

ДОБРОЕ ДЕЛО

АВ 5772

70

ИЮЛЬ 2012

ГАЗЕТА БФ "ХЕСЕД ШААРЕЙ ЦИОН"
ОДЕССА

American Jewish
Joint Distribution
Committee

ДЕНЬ ЛЮБВИ -ТУ БЕ-АВ

В еврейском календаре 15 Ава - Ту бе-Ав (3 августа) является праздничным днем, хотя никаких особых обычаев евреи в этот день не придерживаются — это приятный повод поздравить любимого человека и (или) предложить руку и сердце.

Праздник существует с глубокой древности, когда девушки, желающие выйти замуж, танцевали в виноградниках в окрестностях Храма в Шило. Это было очень важно, поскольку каждое колено Израиля жило на своей территории, и народ был связан между собой лишь религией и соглашениями о военной помощи в час опасности. При этом все колена следили за своим наделом земли, чтобы представители других колен не осели на их территории.

Закон разрешал девушкам, владевшим недвижимостью, выходить замуж только за представителя своего колена. Это сохраняло этническую обособленность каждого колена, его обычаи и традиции, но не позволяло слиться народу Израиля в единое целое.

В окрестностях Храма на праздники собирались все колена Израиля, и старейшины колен заключали там договоры и принимали общие решения. Но союз на уровне руководства еще не делает народ единым, так как он объединяется в единое целое не по постановлениям сверху. И даже общее прошлое не может объединить разные колена в единый народ.

Пятнадцатое Ава — праздник, не установленный Торой, но возникший сам по себе как веселье по случаю сбора винограда — именно он позволил народу объединиться. В этот день знакомились парни и девушки из разных колен Израиля. И в этот же день старейшины Израиля постановили отменить ограничения на межколенные браки.

Отмена этих ограничений положила начало длительному процессу интеграции евреев в единый народ, ибо самое главное в национальном единстве — это межобщинные браки, дети от которых уже принадлежат не только одному колену.

Там, где не может объединить опасность, может объединить любовь.

Бряд ли случайно то, что объединяющий праздник 15 Ава расположен в календаре сразу после дня траура по разрушенному Храму — дня, с которого началось изгнание и народ Израиля вновь был разбросан по разным концам света, вновь разделен на отдельные общины. Но самая обычная любовь, когда парни и девушки из разных общин встречаются, знакомятся, женятся и рожают детей, во все времена способствует объединению народа.

ПОБЕДИВШИЙ БЕДУ

В 1940 г. одесситы, несмотря на сложное международное положение, продолжали жить в спокойной обстановке. Как и все советские люди, они учились, работали, отдыхали. В эту осень Зусев и Нина Талес ожидали прибавления в своем семействе. И вскоре у них родился сын, которому дали имя Шлёма. Родители, конечно, всегда стараются дать своему ребенку самое красивое имя. А Шлёма было сродни имени Шломо, а Шломо — тот библейский царь-мудрец, имя которого при переводе с древнееврейского на греческий стало Соломон — личность в еврейской истории весьма известная.

В то время евреи, живя в одном доме с русскими, украинцами, болгарами, армянами, не стеснялись давать своим детям такие имена, ведь Одесса всегда была городом интернациональным, и любые имена, даже самые причудливые, воспринимались одесситами нормально и никого не удивляли.

Прошло всего 8 месяцев со дня рождения Шлёмы, и жизнь семьи Талес, как и большинства советских людей, резко изменилась — началась война. Отца призвали в армию, а мама с шестилетней дочкой Татьяной и сыном эвакуировалась в Узбекистан. Дорога в Чимкент была длинной и напряженной. Эшелон несколько раз бомбили. Как это было на самом деле — Шлёма не помнил. И что мог знать о войне младенец, которому не было еще и года? Но то, о чем рассказывала мама после войны, запомнил. И как она пряталась, прижав его к груди во время бомбежек, как опекали их незнакомые люди,

Ш. Талес и П. Чичельницкая

ехавшие в одном вагоне. О помощи, которая проявляется в самые тяжелые минуты жизни, люди не забывают, и доброе отношение к себе семья Талес ощущала постоянно. Без помощи других людей они бы не выжили.

В Одессу семья вернулась сразу же после ее освобождения. В их квартире в Книжном переулке жили уже другие люди. Но им дали жилье на ул. Заславского, 38.

Отец с войны не вернулся, и матери пришлось одной растить и воспитывать двух детей. Через пять военных лет Одесса изменилась не столько внешне, сколько внутренне. И эта внутренняя жизнь диктовалась внутренней политикой руководства страны, когда с каждым годом евреям становилось все сложнее оканчивать школы

Окончание на стр.2

Он был удивительным человеком

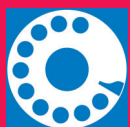

Ушел из жизни легендарный украинский актер Богдан Ступка. Среди множества сценических образов, созданных за многие годы Богданом Сильвестровичем, одним из самых знаменитых и любимых зрителями был еврей-молочник из маленького местечка — Тевье, главный герой одноименного романа Шолом-Алейхема и ставшего знаменитым спектакля «Тевье-Тевель», поставленного в Национальном театре имени Ивана Франко. Во время гастролей театра в США этот спектакль в Нью-

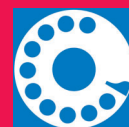
Йорке посмотрела внучка Шолом-Алейхема Бэл Кауфман, после чего назвала Богдана Ступку «самым лучшим Тевье-молочником» из всех, которых она когда-либо видела.

В разное время Богдан Ступка занимал высокие посты, получил много наград, но в сердцах зрителей и в истории театра навсегда останется великим украинским актером, чей талант был уникальным, чье сердце умело любить, сочувствовать, сопереживать.

Он был удивительным человеком.

Телефоны БФ "Хесед Шаарей Цион":
Служба "Мокед-Лакашиш"—73740-21; Служба "Питание"—737-40-11;
Программа "Медицина"—737-40-32; Культурный центр —737-40-13;
Служба волонтеров—737-40-24; Дневной центр—737-40-30;
Газета "Доброе дело"—737-40-12

Семен
Вайнблат
"Победивший
беду"

2
стр.

Уроки
языка идиш

2
стр.

Евгения
Лукьянова
"Желтые
розы"

3
стр.

Евгения
Лукьянова
"Снова туда, где
море огней..."

3
стр.

Наша
гостиная

4
стр.

Проект
"Уходящее
поколение"

5
стр.

Анатолий
Горбатьук
"Там хорошо,
где..."

6-7
стр.

Александр
Бовин
"Пять лет среди
евреев и
мидовцев!"

8
стр.

Иосиф
Жеребкер
"Она останется
в нашей памяти"

9
стр.

Руфь Зернова
"На море и
обратно"

10
стр.

Страна
Поэзия

11
стр.

Улыбка

12
стр.

Одесские НОВОСТИ

В первом полугодии 2012 года создано 12,3 тыс. новых рабочих мест. Ситуация на рынке труда Одессы характеризуется постоянным спросом на квалифицированных рабочих.

Указом Президента Украины присуждена Государственная премия за реконструкцию и реставрацию отеля «Красная-Бристоль» по ул. Пушкинская, 15: архитектору, руководителю архитектурского коллектива Наталье Мержиевской, архитектору Юлии Антоненко-Туз, художнику-конструктору Ольге Сторожук, инженерам-строителям Юрию Борсуку и Александру Нотичу.

В Одессе создан штаб по предотвращению стихийной торговли, поручено совместно с органами внутренних дел привлекать к ответственности лиц, торгующих с нарушением порядка хозяйственной деятельности.

Исполнительный комитет Одесского городского совета назначил управление капитального строительства Одесского горсовета заказчиком по проектированию и выполнению реконструкции автодороги по ул. Марсельской на участке от Днепропетровской дороги до ул. Академика Сахарова.

Исполком Одесского горсовета назначил управление капитального строительства горсовета заказчиком по проектированию и выполнению реконструкции объектов и инженерных сетей коммунального учреждения "Одесский зоологический парк общегосударственного значения".

С 5 июля 2012 года продлен автобусный маршрут № 197 от ул. Архитекторской до ул. Дача Ковалевского (Мемориал 411-й батареи). Автобусы в прямом и обратном направлениях следуют от ул. Архитекторской по ул. Отважных, ул. Белорусской, ул. Марии Демченко, ул. Ореховой на ул. Дача Ковалевского.

Возобновлена работа трамвайного маршрута № 1, на участке от ул. Паустовского до завода «Центролит». В эксплуатацию сдан отремонтированный участок пути длиной около 800 м. Капитально отремонтирована конструкция основания пути, уложены новые шпалы, рельсы, спецчасти, смонтирована новая контактная сеть.

Исполнилось 60 лет со дня ввода в эксплуатацию железнодорожного вокзала станции «Одесса-Главная», построенного по проекту архитектора Леонида Чуприна на месте разрушенного в апреле 1944 года.

Около 500 военнослужащих 16 государств (Бельгии, Германии, Грузии, Израиля, Канады, Португалии, Турции, Швеции и др.), два десятка кораблей, 3 подводные лодки, 7 самолетов и 8 вертолетов участвовали в международных военно-морских учениях «Си Бриз – 2012», торжественно открытых в Одессе.

ПОБЕДИВШИЙ БЕДУ

с золотой медалью, поступать в престижные учебные заведения, устраиваться на хорошо оплачиваемую работу. И когда такое происходит, то, естественно, не очень хочется выделяться таким именем как Шлём. Когда в последний раз Шлём называли Шлёмой, он не помнит. Его стали называть Саша, а чуть позже — Александром, а когда устроился на работу в магазине «Оптика», то уже по имени-отчеству — Александром Семеновичем.

Материально жилось неплохо. Он женился. И когда появилась возможность вступить в кооператив ЖСК «Медработник», семья стала жить на Черемушках по адресу: ул. Академика Филатова, 35А, кв. 20. В ней он прожил с 1964 по 1971 гг. За это время родился сын Ян.

У Александра были, как говорят, золотые руки. Он шлифовал линзы для очков, которые заказывали весьма известные люди как в СССР, так и за его пределами. О нем как умельце писала газета «Правда». Слава о нем росла. Он стал получать письма с приглашениями на работу из различных концов Союза. Условия предлагались самые привлекательные. А ему нужно было растить сына, выплачивать пай за квартиру. И он решил уехать в Магадан.

И действительно, там он зарабатывал хорошо, полностью выплатил долг за квартиру и регулярно высылал деньги жене на воспитание сына. Но супруга не выдержала долгого отсутствия мужа и решила обзавестись новой семьей.

Только к 1992 году Александру удалось вернуться в Одессу. К этому времени сын Ян женился и подарил ему внука. Желая помочь сыну, Александр прописался в квартире матери на ул. Комсомольской, расположенной рядом с общественным туалетом. Условия жизни там были невыносимыми. И когда через два года мать умерла, сестра Татьяна продала квартиру и уехала в США, а он стал жить в арендованной комнате.

Вскоре бывшая жена уехала на постоянное место жительства в США, а через некоторое время весьма поспешно, даже не попрощавшись, уехал и сын с семьей. Причину этого он понял позже, когда однажды, после болезни, решил навестить внука. Он позвонил в свою квартиру, ему открыли чужие люди и сообщили, что его сын продал им эту квартиру. Когда Александр начал проверять правильность продажи, то обнаружилось, что все его подписи на документах подделаны.

Когда все деньги были потрачены, он ночевал на вокзале, а затем на кладбище. Вскоре паспорт и трудовую книжку у него украли. Так он стал человеком без определенного места жительства. Стремясь восстановить документы, он столкнулся с равнодушием чиновников, понял, что никого не интересует, кем он был и кем стал. Обращаясь за помощью, он метался по кабинетам и нигде не мог восстановить свое доброе имя, получить сносную работу.

Однажды, когда была суровая зима, он отморозил ноги. В ноябре 2005 г. ему ампутировали левую ногу, в начале февраля 2006 — правую. О тяжелой судьбе А.Талеса душевную статью «Боль» опубликовала в газете «ЮГ» Елена Марценюк. Она попыталась привлечь внимание городских властей на этого человека. Александр Семенович рассказал ей, как его учитель Иван Возниченко обучал его искусству филигранной шлифовки линз в соответствии с тонкостями офтальмологической науки; о том, как он работал у академика Филатова, а затем консультантом в его клинике, как изготавливал линзы для очков таким личностям, как руководитель компартии Болгарии Тодор Живков, народный артист СССР Борис Андреев, одесситы Лариса Удовиченко и Михаил Водяной.

В хирургическом отделении Еврейской больницы он лежал один, беспомощный. Никто его не посещал, не приносил ни кусочка хлеба, ни яблочка. Но однажды на него обратила внимание женщина с чутким сердцем Лидия Павловна Вихрова, которая опекает

бездомных в Доме Милосердия, расположенном по ул. Терешковой, 12. Таков уж у нее характер, что она не может пройти мимо чужой боли, чужого страдания. Узнав, что Александр Талес еврей, она позвонила в Хесед и попросила оказать ему необходимую помощь. Эту информацию получила куратор Светлана Натановна Яковенко. Познакомившись с А. Талесом, она выяснила, что у него нет документов. Обратилась в Госархив и получила справку, что Шлема Зусевич Талес действительно родился в Одессе 25 октября 1940 г. Этот документ позволил 22 марта 2007 г. поставить его на учет в Хеседе.

Благодаря матушке Серафиме Ш. Талес получил жилье в Доме Милосердия. Там же была приобретена коляска, на которой он мог передвигаться после двух операций. А что он испытывал все это время? Свою беспомощность? Нет, несмотря ни на что, он был человеком сильным, ничто его до конца не сломало. И желание выжить наперекор всем бедам победило. Ш. Талес не забывал, что он был мастером своего дела. И когда о нем стало известно в Хеседе, то началась борьба за его возвращение к жизни.

Ильф и Петров писали, что жалок человек без паспорта, а что говорить о состоянии человека, живущего без паспорта? Он, по сути, никто. Многие пытались помочь Талесу получить документ, который даст ему право на полноценную жизнь в обществе, но главную роль в решении этой проблемы сыграла Благотворительная Фундация «Хесед Шаарей Цион». Что же сделали конкретные люди, которые в нем работают, для того, чтобы Ш. Талес получил паспорт — самый важный для каждого человека документ? Чтобы его выдали человеку, у которого, по сути, не было документов, подтверждающих его гражданство, в различные инстанции пришлось писать десятки заявлений, но в ожидании положительного результата прошли не недели, не месяцы, а годы.

Много сделала для решения этой проблемы районный куратор Полина Чичельницкая. Она встретила с генеральным консулом России А. Ткачевым, обрисовала ему физическое и духовное состояние Ш. Талеса. Благодаря ему была получена справка, что Талес, несмотря на то, что жил и работал в России, все же не является ее гражданином. Только при наличии такой справки украинские власти могли дать разрешение на то, чтобы предоставить Ш. Талесу гражданство Украины.

Следует сказать, что получение такой справки стоит немало денег, но по ходатайству российского консула эта справка была выдана Ш.Талесу бесплатно. Полина Чичельницкая обращалась в одни и те же инстанции по нескольку раз. Ей отказывали, но она писала новые заявления, приводила новые доказательства для того, чтобы Талес мог получить паспорт. И долгожданная мечта стала реальностью. Паспорт был получен. То, чего хотел Ш. Талес, свершилось. Он набрался терпения и веры, что правда восторжествует. Благодаря неравнодушным людям он получает от Хеседа продукты в супермаркете «Копейка», медицинские препараты и лекарства, недавно ему купили коляску с электроприводом, чтобы он без особых усилий совершал прогулки, не был оторван от реальной жизни.

Имея паспорт, Шлема Зусевич Талес после стольких лет пассивной жизни может в этом году принять участие в выборах в Верховную Раду. И пусть он отдаст свой голос за тех, кто будут издавать законы, помогающие людям оставаться людьми, не терять достоинства, быть полезными своей стране, которая желает жить по европейским нормам. Хочется, чтобы новый состав парламента был обращен к людям, а не к собственному карману, чтобы энергия власти была направлена на повышение благосостояния народа и сохранение его духовного потенциала.

Семен Вайнблат

Уроки языка идиш

Урок 17

Притяжательные местоимения

Склоняемые формы притяжательных местоимений

Род существительного			Падеж
женский	средний	мужской	
אִיר-ע, מִינ-ע, אִיר-ע, מִינ-ע, אִיר-ע, מִינ-ע	אִיר-ס, מִינ-ס, אִיר-ס, מִינ-ס, אִיר-ס, מִינ-ס	אִיר-ער, מִינ-ער, אִיר-ן, מִינ-ן, אִיר-ן, מִינ-ן	И. В. Д.

Так же, как מִינ, склоняются דִינן и דִינ; так же, как אִיר, склоняются אִיר-ער, אִיר-ן, אִיר-ע, אִיר-ס.

При всех существительных множественного числа притяжательное местоимение получает окончание **ע**, независимо от того, стоит ли оно перед существительным или после него, и (подобно артиклю множественного числа **די**) остается во всех падежах без изменения:

- 1) Дорогие дети мои! טייערע קינדער מ'איז
- 2) Я спрашиваю моих детей איך פרעג די קינדער מ'איז
- 3) Я пишу моим детям איך שרייב צו מ'איז קינדער

1. Всякая форма притяжательного местоимения, не оканчивающаяся на **ע**, — признак единственного числа определяемого существительного:

- 1) моя сестра מ'יין שוועסטער (3) דעם
- 2) моему брату מ'ינעם דער שוועסטער (4)

2. Притяжательное местоимение с окончанием **ע** имеет две функции: оно указывает либо на единственное число существительного женского рода (די מאמע מ'ינע „моя мать“), либо на множественное число существительного (מ'ינע ברידער „мои братья“). Число существительных определяется в такие случаях по смыслу всего сказанного и по форме других слов в предложении:

א'לע שוועסטער מ'ינע לעבן אין קיעוו
„Все мои сёстры проживают в Киеве“

“ Ж е л т ы е р о з ы ”

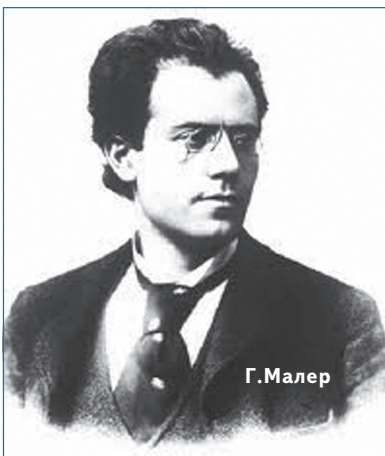
Любые изменения, происходящие в жизни человечества, к счастью, не могут затмить собой интерес людей к судьбам Великих Землян. Их до сих пор волнует, действительно ли жил в Англии драматург В. Шекспир, как удалось Ф. Петрарке и А. Данте пронести свою любовь через всю жизнь, что подтолкнуло А. Чехова к созданию “Чайки”, почему такой безутешной горечью и отчаянием отмечены последние дни жизни И. Бунина. Вот почему жанр беллетристической и документальной литературы о жизни замечательных людей вызывает неизменный интерес, постоянно подпитывая человеческую любознательность.

К счастью, это очень хорошо поняла в свое время музыковед и педагог Светлана Александровна Малыш. Человек открытый, обладающий глубокими и разносторонними знаниями в истории музыки, она с удовольствием преподносит их тем, кто испытывает потребность в ее неоценимом даре. Соединяя документы с художественным замыслом, знакомя с малоизвестными фактами из жизни выдающихся людей и обогащая все это своим видением, она помогает читателям и слушателям глубже проникнуть в таинственный мир жизни и творчества гениев, прокладывая связующий мостик между прошлым и настоящим.

На этот раз она пришла в Культурный центр, чтобы познакомить слушателей со своей новой новеллой “Желтые розы” о великом музыканте Густаве Малере и его жене Альме.

Ввод в повествование молодых героев-музыкантов Андрея и Наталью дал Светлане Малыш возможность, как сказал А. Грибоедов, связать “век нынешний и век минувший”. Отношение молодых людей друг к другу вносят своего рода интригу, позволяя музыковеду вплести в повествование различные события. И все это посредством музыки великого мастера, через его судьбу и судьбу близких ему людей.

В новелле С. Малыш есть момент, связанный с эмоциональным потрясением героев новеллы, с

восприятием 5-й симфонии Малера и, в особенности, с ее частью под названием “Адажиетто”, когда зал замер и музыка, поначалу трагическая, траурная, постепенно светлея, привела тревожно прислушившуюся в нее и в себя Наталью, чувствующую прикосновение руки Андрея, к тихому, завораживающе-нежному звучанию скрипок.

Густав Малер работал по шестнадцать часов в сутки. Дирижирование у него занимало почти все время, любимым творчеством Малер мог заниматься лишь два месяца в году, удалившись в маленький деревянный домик недалеко от леса. В свои симфонии он вкладывал чувства, мысли, философские суждения о мире и любви к своей постоянной

собеседнице – природе. “О чем говорят цветы в полях”, “О чем говорит ночь”, «О чем говорит любовь» — вот всего несколько названий частей одной из симфоний. Грандиозность его 8-й симфонии, посвященной жене, до сих пор поражает воображение. Тысяча участников — оркестр, хоры, солисты, поэзия Гете из “Фауста” — все это прозвучало на премьере, как дыхание судьбы. После ее окончания зал встал и несколько минут ошеломленно молчал. А удивленная неожиданным посвящением жена композитора Альма, первая красавица Вены, отличный музыкант, начинающий композитор, вызывающая поклонение поэтов и художников, еще в день помолвки услышала от Густава, что двух композиторов в доме быть не должно. Переступив через страдания, она приняла его условия, поняв, что отныне ее удел — “убирать камни на пути гения”.

Густав, провинциальный мальчик из мелкобуржуазной и, как было принято, многодетной еврейской семьи, пройдя не простой путь, стал не только директором и дирижером Венской оперы, но и великим композитором. Он

стоял за дирижерскими пультами театров Лейпцига и Будапешта, а в Гамбурге поставил оперу своего любимого композитора Петра Чайковского “Евгений Онегин”. После представления присутствующий в зале П. Чайковский назвал Малера гением.

В 1910 году Г. Малер аккомпанировал Вторым и Третьим фортепианными концертами, которые исполнял Сергей Рахманинов. “Он довел аккомпанемент в концертах до совершенства сознания”, — писал Дмитрий Шостакович.

Последний раз Г. Малер дирижировал оркестром с высокой температурой в концерте, составленном из произведений своих современников, из скромности не включив ни одного из своих. Уже в наши дни израильский симфонический оркестр полностью повторил эту программу. А тогда композитор чувствовал, что возвращается домой умирать. Это случилось с ним на 51-м году жизни.

Посетители Культурного центра благодаря заботе С. Малыш, услышали не только запись “Адажиетто” в исполнении симфонического оркестра и цикл “Песен странствующего подмастерья”, исполненные всемирно известным певцом Фишером Дискау, но и увидели поэтическую балетную миниатюру “Гибель розы” с участием выдающихся танцоров Ульяны Лопаткиной и Андрея Козлова.

Название программы “Желтые розы” не случайно. Андрей — герой новеллы — ассоциирует музыку Малера с желтым цветом — цветом солнца. Живой букет из желтых роз проходит через всю сюжетную канву новеллы.

Зал Культурного центра Хеседа, переполненный постоянными слушателями, гостями из России, Германии наградил С. Малыш долгими аплодисментами. И многие искренне пожелали: “Приходите к нам чаще!”. А она, в свою очередь, обещала продолжить эту тему показом фильма об Альме Малере.

“Снова туда, где море огней...”

Это началось в далеком незабываемом детстве, когда знакомые мелодии можно было услышать только по радио или на пластинках. Голоса Вадима Козина, Георгия Виноградова, Михаила Александровича, Петра Лещенко, Юрия Марфесси доносились из раскрытых окон домов, звучали на танцплощадках. Именно тогда Иосиф Жеребкер стал делать первые шаги в освоении вокала. Вначале подпевал маме, сидя с ней на ступеньках крыльца частного дома у реки Южный Буг, слушая доносившиеся из городского парка, расположенного на противоположном берегу, песни Клавдии Шульженко и других популярных певцов того времени. У отца, как и у мамы, тоже был хороший голос, и он часто пел в общежитии.

Когда Иосиф поступил в Харьковский техникум транспортного строительства, он стал активным участником художественной самодеятельности.

Его голос в те годы был ближе к теноровому, а не баритональному тембру, и на юбилей, посвященному 75-летию техникума, он решил исполнить серенаду Смита из оперы Ж. Бизе “Пертская красавица”. Но непривычно торжественный концертный зал, присутствие высоких гостей, включая заместителя министра транспорта, заставили Иосифа разволноваться настолько, что он вдруг забыл слова. Это обстоятельство так его опечалило, что в дальнейшем он пел только в кругу семьи и близких друзей. Даже в армии он выступал только в ансамбле, отказываясь от сольных партий. Боязнь

сцены продолжалась у него вплоть до 1994 года, пока он, придя в Дом медработников, не начал все с самого начала.

Сегодня у Иосифа Жеребкера окрепший, ровный, мягкий и глубокий баритон. Все эти годы каждодневного упорного труда, не признающего никаких ссылок на объективные или субъективные причины, многое изменили в его жизни. Он стал неоднократным лауреатом и дипломантом нескольких фестивалей и конкурсов. От исполнения одной-двух песен в музыкальных программах он перешел к созданию полноценных сольных концертов, с которыми выступает в том же Доме медработников, Доме ученых и, конечно же, в Культурном центре Хеседа, с которым в последние годы связал всю свою творческую деятельность, с равной отдачей солируя, выступая в хоре еврейской песни “Файерлех”, играя в спектаклях театра “Одесские дворики” под руководством Михаила Крупника.

Иосиф хорошо знает и любит родной язык идиш. В его репертуаре много еврейских клезмерских песен, некоторые из них он помнит с детства. С удовольствием занимается переводом с идиша на русский и наоборот, часто исполняет песни на двух языках.

На всем протяжении своего творческого пути Иосиф был тесно связан со многими музыкантами. С особым теплом он относился к И.Л. Нудельман, другу, наставнику, педагогу, человеку доброму и очень требовательному, умевшему учить не только вокалу, но и исполнительскому мастерству.

Был в творческой жизни Иосифа еще один человек, который вместе с ним внес большой вклад в восстановление

целого периода еврейской музыкальной культуры. Это недавно ушедшая из жизни Тамара Гринблат. Неоценимую помощь в подборе удобной тональности исполняемых Иосифом произведений оказывает ему певица Таисия Зборовская.

В июльской воскресной программе Хеседа он в содружестве со своими коллегами Ириной Александровской, пианисткой Людмилой Ясинецкой и ведущей Светланой Потапенко представил слушателям обширную и разнообразную программу.

С Ириной Александровской, человеком яркой индивидуальности, Иосифа объединяет не только совместное участие в театре “Одесские дворики”, но и частые выступления в концертах. Исполнив романс А. Дюбюка “Не обмани”, Ирина представила слушателям написанный на свои стихи романс “Лишь в любви мы находим забвение”. Артистичность Ирины и Иосифа не могли не вызвать улыбок, когда они исполняли веселый дуэт Маркера и Аграфены из оперетты И. Дунаевского “Женихи”.

Концерт, в котором звучали романтическая музыка Ф. Шопена, арии из оперетт Ф. Легара, И. Кальмана, К. Целлера, Дж. Керна, любимые с юности романсы и песни, тактично вплетенные в его канву Людмилой Ясинецкой, никого не оставил равнодушным. Прекрасные мелодии еще долго продолжали звучать в душах тех, кто пришел в этот день на свидание с музыкой и исполнителями.

А Иосиф Жеребкер, доверившись своим слушателям, исполнил недопетую им когда-то арию Смита. Любовь к музыке, вокалу, преданность сцене, уважение к слушателям и желание приносить им радость вернули ему возможность заниматься любимым делом. Удачи!

Страницу подготовила **Евгения Лукьянова**

Наша гостиная

Дорогие друзья! Обычно мы приходим в ваш дом, задаем вопросы, интересуемся делами, проблемами. Теперь вы стали нашими постоянными гостями, и на любые ваши вопросы — приятные и неприятные, сложные и простые — мы постараемся отвечать вам в уютной гостиной, которая будет регулярно открывать перед вами свои двери на страницах нашей газеты. Мы рады гостям, и вам всегда здесь окажут самый теплый прием.

Дежурный по гостиной — начальник Отдела по социальному обеспечению Феликс Мильштейн

Уважаемые посетители “Нашей гостиной”!

Убедительно просим вас внимательно ознакомиться с материалами этого выпуска и в дальнейшем постоянно посещать “Нашу гостиную”, поскольку в последнее время произошли изменения в критериях обслуживания клиентов и в работе социальных программ Хесед, о чем мы будем вас оперативно информировать.

«Медикаменты»

«Жертвы нацизма»:

1-я категория нуждаемости:
одинокое (одинокая семья) и узники гетто — 380 грн.,
не одинокие — 350 грн.
2-я категория нуждаемости:
одинокое — 300 грн.,
не одинокие — 250 грн.
3-я категория нуждаемости:
одинокое — 250 грн.,
не одинокие — 200 грн.

ВНИМАНИЕ!

Хесед начинает оплачивать стоимость медикаментов, приобретаемых в аптеках «Фармации», и продуктов, приобретаемых в сети супермаркетов «Копейка» за третий квартал 2012 года (июль, август сентябрь).

Публикуем новые суммы, выделенные в этом квартале в соответствии с категориями нуждаемости, наличием и отсутствием статуса «Жертва нацизма» и семейного положения клиентов.

«Клиенты ВІЕ»

1-я категория нуждаемости:
одинокое (одинокая семья) — 148 грн.,
не одинокие — 116 грн.
2-я категория нуждаемости:
одинокое — 84 грн.,
не одинокие — 63 грн.

«Не жертвы нацизма»:

«Праведники мира» — 380 грн.
1-я категория нуждаемости:
одинокое — 100 грн.,
не одинокие — 80 грн.

«Магазин»

«Жертвы нацизма»:

1-я категория нуждаемости:
одинокое (одинокая семья), узники гетто — 750 грн.,
не одинокие — 650 грн.

2-я категория нуждаемости:

одинокое — 550 грн.,
не одинокие — 450 грн.

3-я категория нуждаемости:

одинокое — 300 грн.,
не одинокие — 250 грн.

«Клиенты ВІЕ»

1-я категория нуждаемости:

одинокое (одинокая семья) — 450 грн.,
не одинокие — 350 грн.

2-я категория нуждаемости:

одинокое — 250 грн.,
не одинокие — 190 грн.

3-я категория нуждаемости:

одинокое, не одинокие — 180 грн.

«Не жертвы нацизма»

1-я категория нуждаемости:

одинокое — 300 грн.,
не одинокие — 270 грн.

2-я категория нуждаемости:

одинокое — 180 грн.,
не одинокие — 150 грн.

ВНИМАНИЕ!

К статусам «Жертвы нацизма» и «Не жертвы нацизма» добавлена т.н. группа «Клиенты ВІЕ».

Еще недавно любой еврей — клиент Хесед, который родился в эвакуации, получал статус «Жертва нацизма». Теперь, из-за сокращения средств «Клеймс Конференс», клиенты, родившиеся спустя 40 недель после эвакуации матери, не имеют статус «Пострадавшие от нацизма».

Для таких клиентов с третьего квартала с.г. установлена категория т.н.

«клиенты ВІЕ» (родившиеся спустя 40 недель после эвакуации матери). Теперь они будут получать специальные средства для приобретения медикаментов и продуктов. Подробно об этом можно узнать у кураторов.

Убедительно просим прочитать и запомнить следующее.

Сумма, которая выделяется клиенту на оплату медикаментов и продуктов, зависит от бюджетных возможностей Хесед и количества его клиентов, которые получают помощь. В этом квартале возможности Хесед несколько сократились. По этой

причине, соответственно, уменьшились и выделенные клиентам суммы.

У каждого клиента имеется достаточно времени, чтобы полностью использовать выделенные ему средства. При этом нужно помнить, что суммы, выделенные по обеим программам, необходимо использовать только до 25 сентября с.г.

В период 25—31 июля и 25—31 августа с.г. отпуск медикаментов и продуктов по пластиковым карточкам клиентов Хесед не производится и возобновится с 1-го числа августа и сентября.

Особо напоминаем:

— остатки средств на 25 сентября с.г. не будут компенсированы и на следующий квартал не перенесены;

— клиентам, которые не представили справку о размере пенсии и заработной платы в 2012 г., средства для приобретения медикаментов и продуктов не начисляются;

— клиентам, не представившим справку о состоянии здоровья, средства для приобретения медикаментов не начисляются.

Особое мнение

“У меня зазвонил телефон...”

Наверное, все мы в детстве знали эти стишки Корнея Чуковского, а наши клиенты имеют счастливую возможность повторять их с внуками и правнуками. Но когда приходят последние дни текущего квартала и все программы Хесед готовят отчеты, и наступают первые числа следующего квартала, когда идет прием большого числа посетителей, наши сотрудники эти стихи тоже вспоминают, поскольку телефоны буквально раскаляются от звонков.

И в первую очередь страдают от этого сами клиенты — те, кто упорно набирая наши номера, слышат в трубке сигнал «занято», и те, кто сидит в очереди возле кабинетов, пока сотрудники отвечают на звонки.

Чтобы легко избавиться себя от негативных эмоций, связанных с этими «телефонными проблемами», необходимо **помнить:**

— Хесед работает с 8 часов до 16.30, а потому и звонить вне этого времени бесполезно;

— с 13.00 до 13.30 у нас перерыв, во время которого сотрудники обедают или выходят из кабинетов и на звонок, как правило, не отвечают;

— в субботу и воскресенье Хесед не работает;

— деньги на карточки начисляют, обычно, со второй декады первого месяца квартала, и до этого времени звонить по таким вопросам бесполезно. К тому же, наша газета своевременно сообщает о начислении средств, и кураторы об этом сообщают;

— размер начисленной суммы определяется категорией нуждаемости клиента, которую можно узнать у куратора;

— суммы, начисленные в соответствии с категориями нуждаемости, публикуются в нашей газете, или о них можно узнать у куратора;

— подгузники выдают каждый рабочий день до 25 числа месяца, а по телефону можно лишь уточнить, имеется ли в наличии нужный размер;

— выдачей очков занимается Юлия Илларионовна Печерская (тел. 737-40-26);

— прокатом реабилитационного оборудования руководит Оксана Сергеевна Хаджипуло (с 8 до 13 часов, тел. 737-40-11);

— программу «Питание» возглавляет Валентина Николаевна Мажина (тел. 737-40-11);

— не следует звонить в Медицинскую службу по той причине, что кураторы якобы не берут трубку. Эти подразделения расположены в разных концах длинного коридора, кроме того, медики не заменяют кураторов, так как у них разные компетенции;

— если вы дозвонились в нужный отдел, но сотрудник не всегда находится в кабинете, чаще же всего он должен прервать разговор с посетителем или подойти к аппарату, стоящему на другом столе, что особенно касается Социального отдела. Поэтому терпеливо дождитесь ответа;

— сняв трубку, сотрудники представляются и называют название отдела, и мы рассчитываем, что тот, кто звонит, поздоровается и представится.

Если вы будете помнить об этом, то в ответ на каждый звонок у нас поднимут трубку, и вы услышите: «Шалом, говорит Хесед. Мы готовы выслушать вас».

Г-жа Р-штейн.

Вопрос:

Мне говорили, что Хесед не оказывает помощь в протезировании зубов, а моему соседу дали деньги на это. Я очень нуждаюсь, своих зубов уже не осталось, помогите и мне.

Ответ:

В Хесед, действительно, нет такой программы, так как зубопротезирование — дорогостоящая услуга, а подавляющее большинство наших клиентов нуждается в помощи стоматолога.

Но клиенту, который находится в критическом материальном положении, зубопротезирование проводится, как говорят, «по жизненным показаниям», и Хесед может помочь ему по программе «Экстренная помощь» (СОС).

Каждый такой случай рассматривает специальная комиссия программы, которая в индивидуальном порядке определяет, имеет ли клиент право на получение этого вида помощи, а также сумму, выделяемую на оплату зубопротезирования.

Прежде чем обратиться в комиссию через своего куратора, вы должны знать следующее:

— право на помощь имеют клиенты, находящиеся в критическом материальном положении, преимущественно одинокие (проживающим в семье помощь не оказывается). Хесед оплачивает самые простые и дешевые виды работ по зубопротезированию (в основном, съемные пластиковые протезы), а лечение зубов не оплачивается;

— объем и стоимость работ определяет врач-ортодонт, и если комиссия приняла решение оплатить только часть определенной врачом суммы, клиенту придется самому доплатить разницу.

Нужно помнить, что средства для тех клиентов Хесед, которые не имеют статус «Жертвы нацизма», ограничены.

ТУРБОТА
Про німців
В УКРАЇНІ

Проект
"Уходящее поколение"

TREFFPUNKT МЕСТО ВСТРЕЧИ
DIALOG: ДИАЛОГ

Програма підтримки Фонду EVZ
evz STIFTUNG
ERINNERUNG
VERANTWORTUNG
ZUKUNFT

Это наша реальная жизнь

А потом голосом Молотова жизнь разделилась на «до войны» и «во время войны», а «после войны» наступило не для всех. В тот же день мы с мамой вернулись в город. Начались бомбежки, и я, по наивности своей, не расставалась с противогазом, думала, что он меня от бомбы защитит.

В июле мы с мамой, бабушкой и тетей грузовиком уехали в Харьков, и по дороге нас много раз бомбили. Оттуда мы в эшелоне были отправлены в Башкирию. Нашу семью направили в деревню, название которой я не запомнила. Маму определили на сельскохозяйственные работы, а нам, школьникам, тоже нашли работу — мы вязали снопы. В те годы каждый человек вносил свой вклад в Победу. Тем, кто работал в поле, через день выдавали буханку хлеба. Такого вкусного хлеба я никогда в жизни не ела, или мне, которая постоянно голодной была, так казалось тогда. В избе, где нас поселили, стояла огромная русская печь, бабушка попыталась, было, ее растопить, но весь дым пошел в комнату. Соседи решили, что у нас пожар и прибежали на помощь, а потом долго смеялись. Тогда мы поняли, что растопить такую печку — это искусство.

Потом нам удалось перебраться в райцентр Кушнареново, где условия жизни были уже почти городские. Вскоре мама прославилась на весь поселок. Наша соседка, жена фронтовика, попросила маму сопроводить ее ночью в роддом. Роды прошли легко, после чего соседка всем говорила, что если рядом Фаина Жалковская, то с роженицей и ребенком все будет в полном порядке. Теперь маме пришлось сопровождать беременных в роддом не только из нашего райцентра, но и из окрестных сел. Не знаю почему, но дети, действительно, рождались легко, были здоровыми, и каждая мама старалась чем-нибудь да отблагодарить.

Мы узнали, что папин завод, который еще во время обороны Одессы начал выпускать снаряды, эвакуировали в Армавир, а с ним уехал папа с родителями. Он нашел нас через справочную службу об эвакуированных, которая многих выручала, приехал и забрал нас к себе. И опять мы ехали через всю страну, и опять чужие края, но здесь были родные и близкие люди. Все было бы хорошо, но через неделю после нашего приезда скоропостижно умер дедушка. Он, как все, работал с утра до ночи, и сердце не выдержало.

В Армавире я окончила 7-й класс, а в августе немцы подошли к Северному Кавказу, и мы опять эвакуировались. Нас посадили в вагоны со снарядами, рядом стояли цистерны с горючим и эшелон с пленными немцами. Вскоре начался налет. Бомба попала в цистерны, горящий бензин, растекаясь, достиг теплушек, и пленные, выбив двери, полуголые и окровавленные, отбегали от поезда.

Мы побросали вещи и убежали, но, к счастью, подоспевшие солдаты погасили пожар. Если бы рванули снаряды, то никого и ничего не осталось бы на станции, да и самой станции тоже. Потом мы пешком добирались до Минеральных Вод, половину пути я шла босиком, пока кто-то не подарил мне зимние бурки, в которых было безумно жарко. Из Минвод нас в теплушках привезли в Махачкалу, где мы неделю прожили в парке на голой земле, без вещей, голодные. Хорошо еще, что там было очень тепло. Потом нас посадили на паром. При посадке была дикая толча, люди оттолкнули друг друга, за борт летели узлы и чемоданы, а хозяева бросались за ними и тонули.

Нас привезли в Красноводск, а оттуда — в Ташкент, где мы жили в бараке и спали на полу. Потом папу направили на военный завод в Кострому, там я окончила 9-й класс. А ходила я в школу в купленной на базаре солдатской шинели, поскольку на пальто денег у нас не было. В Ташкенте мы пробыли не долго, 1944-м вернулись на тот же завод в Армавир, а в 1945-м — в Одессу, где наша квартира сохранилась.

За четыре военных года мы пересекли половину страны на автомобиле, поезде, пароме, пешком. Мы теряли родных и близких, могли погибнуть под бомбами, умереть от голода. Теперь молодые люди, посмотрев фильм о войне, частенько говорят, что это, мол, художественный вымысел. А это была наша реальная жизнь.

Берта Друтман

Без слез вспоминать не могу

Мое детство закончилось 22 июня, когда я после 5-го класса готовился к отъезду в пионерлагерь. По радио выступил Молотов и, напуганные известием о войне, одесситы начали запасаться продуктами и водой. Мама послала меня с большой бутылкой к дворовому крану, и я, торопясь, упал, разбил бутылку и порезал руку. И шрам остался навсегда напоминанием о первом дне войны.

В магазинах появились очереди, исчезли продукты, и с тех пор, до отмены карточек в 1947 году, я ощущал голод. Поначалу бои шли далеко от Одессы, казалось, что скоро все закончится и мы победим. А через месяц был первый авианалет. Я был на бульваре и спрятался под вагоном фуникулера. После налета увидел, как возле «Лондонской» горел грузовик. Потом были ежедневные бомбежки и начались артобстрелы.

Я жил на Приморской улице, порт бомбили, и жизнь превратилась в сплошной кошмар. Наши зенитки возле памятника

Ришелье постоянно палили. А мимо дома, где мы жили, шли прибывшие морем пополнения, в порт везли раненых. Люди выносили им еду и папиросы, а мы, мальчишки, собирали осколки и хвастали, кто больше собрал.

Мама работала в трамвайном депо. Солдат часто везли на передовую на трамваях. В некоторых вагонах устроили полки, и так увозили раненых.

Мы верили, что врага отгонят от города, и не собирались уезжать. 15 октября нам сказали, что будет сильный налет, который лучше переждать в катакомбах в Аркадии, и мы ушли туда. Ночью была слышна стрельба и взрывы, а к утру все стихло. Мы вышли и увидели брошенную технику и застреленных лошадей. Оказалось, что ночью защищавшая город Приморская армия морем ушла в Крым. А днем мы увидели на Фонтанской дороге машины с румынскими солдатами. Так началась оккупация.

В конце октября я увидел на 7-й станции Фонтана виселицы, подошел к ним, но кто-

то крикнул мне, что партизаны взорвали штаб, за это теперь вешают и их, и евреев, и если я не уйду, меня тоже повесят.

К зиме мы вернулись с дачи в город, но квартира была разрушена во время артобстрела, и мы поселились у маминой знакомой в Сабанском переулке, где я увидел объявления о том, что все евреи должны взять нужные вещи, документы, еду и собраться для отправки за город. Потом по Канатной шла огромная колонна, в которой я увидел своего друга и одноклассника Яшу с родителями. Я предложил ему выйти из колонны и остаться, сказал, что родители потом придут, но он не захотел.

Я видел, как в жгучий мороз вели пленных моряков в одних тельняшках. А на тротуарах стояли люди, плакали и пытались передать им еду. Вскоре мы узнали, что и евреев, и моряков заперли в пороховых складах (теперь это район площади Толбухина) и сожгли заживо.

В январе 42-го знакомая родителей привела к нам молодую еврейку с дочкой 10-12 лет, и они прожили у нас 3 месяца, пока не вышел приказ о том, что тех, кто прячет евреев, расстреляют. Мама, опасаясь, что соседи донесут на нас в полицию, отвела прятавшихся у нас на другую квартиру. Они дожили там до освобождения Одессы, и мама потом много раз встречалась с ними.

После освобождения открылись школы, и я был счастлив, так как долго не учился. Учеников отправили на сельхозработы. Это было, практически, в прифронтовой полосе, и нас часто бомбили, так как недалеко располагался советский аэродром. Однажды бомба разорвалась метрах в ста, нас отбросило взрывной волной, и осколки попали мне в ногу. Рана затянулась, а они остались и напомнили о себе только много лет спустя...

Я многое видел в те страшные годы, которые без слез вспоминать не могу.

Аркадий Кузнецов

И остался лишь этот ее рассказ

Летним вечером сидел я как-то во дворе с соседкой Сурой Шавеной Мизис. Вдруг она вздохнула и сказала: «А сегодня ведь 22 июня». И заговорила о войне...

А знаешь ли ты, что вечер 21 июня 1941 года тоже был жарким и соседи ночевали во дворе. А мы были молоды, счастливы и не подумали, что завтра будет война.

У меня были отец, мать, двое братьев. Младший, пограничник еще с 1940-го года, воевал с первого часа войны. Он отступал от границы, попадал в окружение, защищал Москву, освобождал нашу землю и Польшу, где лежит в братской могиле солдат Нута Мизис. В «похоронке» не было указано место гибели, и только через много лет, благодаря польским историкам, мы узнали, где его могила.

Старший брат Шулим до войны окончил четырех курсов мединститута, был призван в армию и подполковником закончил войну

в Германии, награжденный многими боевыми орденами и медалями.

Отцу моему Шае Боруховичу к началу войны было 49 лет, и сразу его в армию не призвали. Потом ему, как хорошему портному, дали «бронь» и направили на работу в мастерскую Военторга для пошива обмундирования.

А нам выдали посадочные талоны на пароход «Ленин». Мы приехали в порт, но пароход уже был перегружен, и нас отправили на следующий день на теплоходе «Абхазия». Потом узнали, что «Ленин» то ли взорвался на mine, то ли был торпедирован.

А мы прибыли в Ростов, работали на сельхозработках, с приближением немцев уехали в Казахстан, где два с половиной года тяжело трудились в колхозе. Мне было 19 лет, в таком возрасте мечтают о свиданиях, танцах, первой любви, а я мечтала вдоволь

поесть, выспаться и по-настоящему вымыться. Потом нам удалось перебраться в Алма-Ату, где я работала бригадиром-учетчиком в учебно-производственных мастерских, а мама — уборщицей.

Мы все время думали о том, где наш отец, без всякого результата запрашивали разные инстанции и только после освобождения Одессы узнали горькую правду от наших соседей. До конца обороны папа работал в своей мастерской, а когда наши оставляли город, о мастерской Военторга просто забыли. В начале оккупации он с помощью соседей прятался на чердаке нашего дома, потом дворник, который и до войны активно писал доносы в НКВД, донес на него. И был наш отец заживо сожжен в пороховых складах.

Когда мы вернулись в Одессу, наша квартира была занята какой-то конторой и нас

взяли к себе соседи, которые помогали папе скрываться. И только после обращения брата в высокие военные инстанции нам возвратили наше жилье...

Мы всю ночь проговорили с Сурой. Я видел, что ей тяжело вспоминать, периодически она пила какое-то лекарство, но все рассказывала и рассказывала. В то же время я понимал, что для нее это очень важно и предложил ей, что потом запишу ее воспоминания. Но никогда ничего нельзя откладывать...

И остался только этот ее рассказ в ту ночь на 22 июня, о котором, вне всякого сомнения, должен знать не только я один.

А.Иванов, волонтер Хеседы

Анатолий Горбатюк родился в Одессе в 1937 году. Окончил Одесский инженерно-строительный институт. Более тридцати лет работал в Одесском морском порту, из них 9 лет был начальником ремонтно-строительного управления, удостоен званий «Почетный работник Морского Флота СССР» и «Почетный работник транспорта Украины». По его идее и под его руководством построен концертно-выставочный комплекс на морском вокзале. Семь лет жил в Лос-Анджелесе (США), редактировал там газету «Одесский маяк», потом вернулся в Одессу.

Не скажу, что присутствовал при рождении замысла этой книги, поскольку это, обычно, таинство и для самих авторов. Но я знал, что замысел приобретает отчетливые очертания, оборачивается рукописью, а она, в свою очередь, должна стать книгой, которую теперь имею честь представить читателям.

Я назвал этот труд Анатолия Горбатюка книгой, поскольку не берусь определить ее жанр. Это не хроника определенного периода жизни автора, не наставления, рекомендации, советы или, чего доброго, указания. Это и не мемуары в чистом виде, а, скорее, размышления на основе воспоминаний, с которыми автор не мог не поделиться с читателями. Впрочем, так ли уж важно определение жанра?

Для меня куда важнее, чем эта книга, первая или одна из первых такого рода, явится для читателя. Наверное, те, кто никогда не был и не собирается жить «там», прочтут ее с интересом и некой завистью типа «как там живут», «как там лечатся», «как там заботятся о престарелых», «как там блюдают законы и правила» и еще многое «как там...».

Те, кто пребывает «там», воспримут книгу по-разному. Одни будут негодовать на автора, считая его «белой вороной» среди них. Другие поймут то, в чем боялись признаться самому себе, и за это будут благодарны автору. Третьи, может быть, перестанут успокаивать себя бессмысленными утверждениями, что Одессы, якобы, уже нет или она, по крайней мере, «уже не та». Четвертые начнут следить, чтобы внуки не забыли русский язык, а родившиеся там — учили его. Пятые попытаются объяснить возвращение Горбатюка из США в Одессу тем, что он смог поселиться в своей оставленной при отъезде квартире. А вот этих можно только пожалеть, поскольку, прочитав книгу, они так и не поняли, что в свою квартиру или не в свою, на Канатную улицу или на Колонтаевскую, он все равно бы вернулся...

Ростислав Александров

Анатолий Горбатюк Там хорошо, где..., или Так нужно было ехать?!

(Фрагменты)

В основном, это записки о моем 7-летнем пребывании в США, о том, что толкнуло меня на этот серьезный шаг, как проходила адаптация в совершенно чужой стране, в которой я очутился без малейшего знания английского языка. Я максимально объективно попытаюсь рассказать, какой я увидел Америку — со всеми ее великими достижениями и отрицательными сторонами, вовсе не претендуя на то, что записки эти — «истина в последней инстанции».

С какими-то моими заключениями читатель согласится, какие-то, может быть, будет оспаривать, и это нормально, потому что каждый из нас имеет право на собственное видение при оценке описываемых эпизодов.

Во всяком случае, совершенно искренне заявляю: я, как и прежде, с огромным уважением отношусь к Америке, и, скорее всего, жил бы там и сегодня, если бы сумел обойтись без Одессы. Любовь к ней оказалась для меня главнее всех видимых преимуществ жизни в Соединенных Штатах Америки.

И еще одно немаловажное обстоятельство: я никогда и никого не уговаривал эмигрировать в США, как и не делал малейших попыток склонить кого-то к возвращению в Одессу: это слишком серьезный шаг в жизни человека, и решение подобного рода он должен принимать сам. Так что совесть моя — и перед Америкой, и перед моими соотечественниками — чиста...

Когда наша дочь Катя в довольно сложном конкурсе, проходящем в Киеве, выиграла грант на возможность учиться в одном из нью-йоркских колледжей и в самом начале лета 1994 года с нескрываемой радостью отправилась в далекую Америку, я и представить себе не мог, что скоро и сам должен буду принять решение об отъезде...

После отъезда Кати жена буквально места себе не находила, и любые разговоры заканчивались одинаково: «Опять не спала всю ночь... Как там наша Катюша — одна, среди чужих людей? А вдруг, не дай Бог, заболит — кто ее будет выхаживать на чужбине? Не могу я здесь спокойно находиться, нужно уезжать к ней!..» И так — постоянно. Что оставалось делать? А здесь как раз и шестьдесят мне «стукнуло» — можно и на заслуженный отдых. Рассчитался я с родным портом (как по живому отрезал: как-никак, три с половиной десятка лет с ним связано), получил на прощание удостоверение «Ветеран порта» и — свободен...

Дожливым утром 14 ноября 1997 года мы оставили Одессу. Думали — навсегда. В дальнейшее путешествие (до поста пограничного контроля в Киевском аэропорту нас провожал мой верный друг Юра Андреев) с нами отправились мальтийская болонка Тяпа и кошка Ксюша, ровно за четыре года до этого, в такую же ненастную погоду, вытасненная женой полуслепым котенком из мусорного бака на улице Польской. И здесь не обошлось без удивленных возгласов и красноречивых покручиваний указательным пальцем у

виска: «Куда с животными претесь, малахольные, здесь их оставьте!..» Нет уж, коль уезжать — так всей семьей!

Итак, поздним вечером 14 ноября 1997 года в аэропорту Лос-Анджелеса нас встречает несколько человек — родственники и мой друг (он же — прекрасный джазовый пианист) Костя Швуим...

В первые субботу и воскресенье на американской земле мы были окружены удивительной теплотой и всепоглощающим вниманием — такова традиция...

В понедельник утром стало понятно: праздник закончился, все разбежались по своим работам, а мы остались наедине с проснувшейся пронизывающей тоской по оставленной Одессе...

Наша беззаветная (может быть, даже фанатичная) любовь к оставленной Одессе, несмотря на некоторые успехи в ассимиляции на новом месте, постоянно сказывалась и на взаимоотношениях с людьми, с которыми мы общались. То есть, оставаясь с ними в вполне приятельских отношениях, мы ощущали себя «белыми воронами» среди окружения: они изо всех сил старались перестроиться психологически, жить жизнью Америки, мы же постоянно мыслями обращались к Одессе. Мне было несколько проще — мотание по редакциям, участие в работе Совета землячества (помимо деятельности как редактора «Одесского маяка», я был избран вице-президентом землячества), творческая работа, наконец. Людмила же, оставаясь в квартире, которую она постоянно выдраивала и где «изобретала» очередные кулинарные изыски, чувствовала себя, по ее собственному определению, «в золотой клетке» (квартира, действительно, была классная). Только-только вернувшись из Одессы, она начинала высчитывать, сколько дней осталось до следующей поездки...

Наши земляки, ставшие эмигрантами в пожилом возрасте (не все, конечно, но очень многие), категорически отказываются изучать язык страны, которая их приняла, — английский. И самым парадоксальным является то, что человеку, прибывшему из бывшего СССР, можно очень даже легко обойтись и без английского, особенно если он проживает в районе знаменитого Брайтон-Бич, давно уже прозванного Новой Одессой. Потому что ходит он в «русские» магазины, лечится у «русских» врачей, смотрит «русские» же телевизионные каналы, читает русские газеты (как местные, так и доставляемые авиапочтой из Москвы и Киева)... Самое главное — и на работу стремится устроиться к «русскому» боссу!

А теперь представьте такую картину (за подлинность ее несу полную ответственность): в «главный» магазин на Брайтон-Бич, носящий название «International» и принадлежащий, конечно же, одесситу, каким-то чудом забрел чернокожий. Я не случайно написал «каким-то чудом»: на этой шумной улице толкаются, в основном, только «наши» люди. Так вот, чернокожий покупатель обращается к одной из продавщиц на английском, естественно, языке. А та, бедняга, недавно приехавшая

из Кишинева или какого-нибудь другого Бобруйска, по-английски — ни бум-бум. Но не растерялась и закричала коллеге, работавшей в соседнем отделе и английский знавшей: «Фрида, иди сюда! Обслужи интуриста!..». Представляете — чернокожий американец в центре Нью-Йорка оказывается «интуристом»...

Те эмигранты из СССР (или уже из СНГ), которые английский язык освоили (как там говорят, «язык взяли»), значительно лучше чувствуют себя — и в материальном, и в моральном смысле. Более того, все чаще на страницах русских газет между ними возникают ожесточенные дискуссии — какой язык (английский или русский) красивей, какой более точный и даже какой... умнее.

Да, к собственному удивлению, я вполне сносно ассимилировался в Штатах: стал редактором газеты Одесского землячества Лос-Анджелеса, много писал в другие русскоязычные издания, был даже «заказным» автором, готовя материалы на заданные темы. С помощью дочери Кати последние годы мы жили уже в собственной, достаточно большой и удобной квартире в каких-то ста метрах от знаменитой «Аллеи звезд» на Голливуд-бульваре...

Так вот, «вписавшись», вроде бы, в американскую действительность, я часто ловил себя на том, что все мои мысли связаны только с Одессой. «Стоп! — говорил я себе. — Остановись, и забудь про Одессу, если не хочешь сойти с ума! Да, попробуй забыть... Приблизительно так же чувствовала себя и моя Людмила. Как считали мы дни до получения *green card*» — документа, позволяющего временно покинуть территорию США и быть принятым обратно — только ради возможности повидать родной город! Два года (столько пришлось ждать) тянулись чудовищно медленно, но они прошли, и вскоре мы уже покупали билеты на самолет. Перед Одессой мы приземлились в Кишиневском аэропорту, где я нежданно-негаданно сразу же попал в объятия давних своих друзей — начальника порта «Южный» Владимира Иванова и знаменитого в прошлом капитана «Черноморца» Вячеслава Лещука, которые возвращались домой с южненской спортивной делегацией. А встреча в Одессе!.. Месяц пролетел мгновенно, и нужно было возвращаться... чуть не написал «домой» — в Лос-Анджелес. Но теперь, вдохнув родной воздух, налюбовавшись вдоволь хоть и неухоженным, но, все равно, прекрасным городом, пообщавшись с друзьями, мы улетали в совсем другом настроении, твердо зная, что отныне будем бывать в Одессе регулярно...

Многие одесситы стремятся посетить оставленный город. Одни это делают с огромной любовью к нему, снисходительно прощая все увиденное негативное и с радостью отмечая замеченные положительные сдвиги. Другие ведут себя «с точностью наоборот»: с нескрываемым злорадством выпячивают любой «негатив» и стараются не замечать все, что говорит о намечаемом прогрессе.

Я долго размышлял по этому поводу – почему эти, вторые, стали буквально враждебно относиться к вчера еще родному городу, своей колыбели, где сделаны первые шаги, где получено бесплатное образование, где, в конце концов, остались друзья, если не родственники... Я нашел ответ на мучающий меня вопрос, но ответ этот скорее огорчил, нежели успокоил: они не могут простить Одессе, что после их отъезда она не только не погибла, но и стремится выйти из того плачевного положения, в котором оказалась в лихие 1990-е. Они не хотят признавать, что возможно устремление Одессы к прогрессу и без их участия. Мол, как же так, мы – здесь, в Лос-Анджелесе, Нью-Йорке или Чикаго, а у них там без нас что-то получается!

...Это было лет восемь назад. В то время я редактировал газету Одесского землячества Лос-Анджелеса «Одесский маяк» и, разбирая однажды почту, наткнулся на презабавнейшее письмо читателя. Как видно, только-только побывавший с визитом в Одессе новоиспеченный американец провозглашает: «Теперь это уже не Одесса, а черт знает что». Сразу же захотелось спросить: а когда же, в понимании автора письма, кончилась Одесса настоящая? А спрашивать и не пришлось – он здесь же и отвечает: «А после того, как мы с вами уехали...». Печальная история...

«Русские» рестораны в Америке, работающие, в большинстве своем, как банкетные залы три раза в неделю, т.е. в пятницу, субботу и воскресенье (в другие дни посетителей нет), отличаются друг от друга только интерьером и экстерьером. Что же касается ассортимента блюд – похожи, как близнецы: с обязательными картошкой с селедкой, оливье, всевозможными овощными салатами, наборами колбасных изделий, в которых колбасы по внешнему виду удивительно похожи на наши «любительскую», «одесскую», «салами», но с совершенно «пластмассовым» вкусом. И, конечно, «королева стола» – фаршированная рыба. Затем следуют горячие блюда на выбор: шашлык, рыба или цыпленок. Столы, демонстрирующие полное изобилие, заставлены блюдами с яствами в несколько ярусов и так плотно, что с трудом помещаются тарелки посетителей. В конце вечера в зале тушится свет и вносится торт, посвященный юбиляру и украшенный соответствующим его возрасту количеством горящих свечей. Гости организовываются в плотное кольцо, внутри которого находится юбиляр, и, подпевая оркестру, танцуют зажигательный фрейлехс.

В первый раз попав в «русский» ресторан, я почувствовал себя явно «не в своей тарелке» и не мог поначалу понять, что со мной происходит. Потом догадался: я очень давно уже не видел такого количества евреев вместе. А ведь приехал я не из Вологды или Курска... Вспоминается анекдот, которые многие воспринимали как антисемитский. Рассудите сами:

— Вы, кажется, приехали из Одессы? Это правда, что половину ее населения составляют евреи?
— Да, это правда.
— А вторая половина населения – кто?
— Как это кто? Еврейки!

.. С гордостью у нас не все в порядке, а вот некое чисто местечковое упрямство прет иногда со страшной силой. Посудите сами – этой истории я посвятил одну из «колонок редактора» в «Одесском маяке».

...Прекрасная идея посетила в свое время сан-францисских одесситов – возвести в этом калифорнийском городе

памятник жертвам Холокоста, в связи с чем был объявлен сбор средств, и достаточно быстро была собрана сумма, позволяющая приступить к строительству. Проект монумента широко обсужден и одобрен жертвователями (кто, как не они, имеют право решать, каким должно быть это сооружение?)... Но кто-то решил, что памятник должен быть посвящен жертвам... одесского Холокоста, ни больше, ни меньше! Позвольте, одесского Холокоста не было, как не было Холокоста киевского, кишиневского или варшавского! Была страшная Всемирная Катастрофа, в дьявольском огне которой нашли мученическую смерть многие миллионы евреев, в том числе – огромное количество евреев Одесского региона. И если вполне уместным является увековечивание памяти безвинно погибших евреев-одесситов монументами в Одессе, а евреев-киевлян – в Киеве, то возведение на, так сказать, «нейтральной территории» памятника только погибшим одесским евреям – просто кощунство! С какими чувствами будут смотреть на него потерявшие своих близких бывшие жители Минска или Кишинева, Киева или Бобруйска, чьи диаспоры оказались не столь многочисленными или не столь организованными? А если вдруг все они напрягутся и попытаются, по примеру одесситов, ставить «свои» памятники, — что будет думать о всех нас коренное население США, захотят ли они превращать свои города в пантеоны, построенные пришельцами из СССР? И не является ли подобное желание лишь проявлением самого обыкновенного и неумного провинциализма, если не сказать – местечковости?

«Искренне надеюсь, — писал я в 2004 году, — что возобладает здравый смысл, и на воздвигнутом монументе будут высечены слова, не только отдающие долг памяти погибшим, но и подчеркивающие истинное благородство выходцев из прекрасного черноморского города: «Одесситы – жертвам Всемирного Холокоста»...»

И что, думаете, прислушались организаторы установки памятника к разумным, кажется, доводам? Как бы не так! Так что установленный памятник вызывает не столько чувство скорби, сколько заставляет задуматься о непреодолимой человеческой гордыне. Эх, люди, люди...

Наша беззаветная (может быть, даже фанатичная) любовь к оставленной Одессе, несмотря на некоторые успехи в ассимиляции на новом месте, постоянно сказывалась и на взаимоотношениях с людьми, с которыми мы общались. То есть, оставаясь с ними во вполне приятельских отношениях, мы ощущали себя «белыми воронами» среди окружения: они изо всех сил старались перестроиться психологически, жить жизнью Америки, мы же постоянно мыслями обращались к Одессе. Мне было несколько проще – мотание по редакциям, участие в работе Совета землячества (помимо деятельности как редактора «Одесского маяка», я был избран вице-президентом землячества), творческая работа, наконец. Людмила же, оставаясь в квартире, которую она постоянно выдраивала и где «изобретала» очередные кулинарные изыски, чувствовала себя, по ее собственному определению, «в золотой клетке» (квартира, действительно, была классная). Только-только вернувшись из Одессы, она начинала высчитывать, сколько дней осталось до следующей поездки.

Наша дочь Катя, давно уже получив образование в США и успешно работая в одном из банков Нью-Йорка, тонко прочувствовала ситуацию и однажды

буквально ошарашила нас своим предложением. Оно звучало так: «Хорошо понимая, что приехали вы в эту страну исключительно из-за меня, я не могу и не хочу видеть ваши страдания, никогда не забывая, что вы всегда делали для меня. Я решила купить вам квартиру в Одессе, и чем скорее вы туда переедете, тем лучше будет и вам, и мне!..» Помните поговорку: «Не в коня корм»? Так вот, здесь оказался «корм в коня»! Это было безумно трогательно! Кое-как успокоившись, мы перешли к обсуждению практического исполнения счастливого для нас предложения. Было решено, что квартирный агент, которого Катя наймет в Одессе, подыщет три-четыре варианта удобной квартиры в центре (до отъезда мы жили на Канатной), после чего я с ней смотаюсь в Одессу, чтобы выбрать окончательный вариант. На том и порешили. Но не прошло и двух недель, как Катин звонок из Нью-Йорка опять удивляет. После обмена приветствиями (кстати, и тогда, и сегодня дочь звонит нам по нескольку раз в день) на мой вопрос, что новенького, она отвечает:

— Я уже купила вам квартиру в Одессе.
— Как «купила»? Без моего участия?! — осерчал я.

— Да, представь себе, даже задаток перевела, — словно не замечая моего возмущения, довольно весело отвечает Катя.

Да как ты могла?! — все больше «завожусь» я. — Совсем с ума сошла!..

— Ну сошла, ну и что? — издевается дочь. — Хотя бы поинтересуйся — где, в каком районе...

— Так где же? — я с трудом пересиливаю гнев. — В поселке Котовского или на Жеваховой горе?

— На Канатной, — кротко отвечает Катя и добавляет после небольшой паузы: — Угол греческой.

— Где – где?! — пораженный, вскричал я. — Повтори!

— Если плохо слышно, я перезвоню, — коварно предлагает дочь.

— Нет, нет, все слышно! — ору я. — Назови номер дома.

— Дом номер... — Катя называет номер нашего старого дома, которым мы грезили здесь, в Лос-Анджелесе, по ночам.

— А квартира, случайно, не пятнадцать? — я с трудом задаю вопрос, потому что горло перехватил спазм.

— Как это ты сразу догадался? — явно издевается Катя. — А вообще, чему удивляться? Это ведь я у тебя дура, а ты у нас – вон какой умный и сообразительный...

Стоит ли говорить о том, что радости нашей не было предела? Что день этот оказался одним из самых знаменательных дней? Ведь по счастливой случайности мы получили нашу, так любимую нами, квартиру!..

22 августа 2004 года я навсегда вернулся в родной город. Чувства, охватившие меня, описанию не поддаются...

Вопрос, поставленный автором в название книги, — далеко не риторический. Его задавали – и себе, и окружающим – тысячи и тысячи эмигрантов, по разным причинам и в разное время оказавшиеся в чужой стране и вынужденные буквально в аварийном порядке в корне менять мировоззрение, привычки – менять свою жизнь. Собственно говоря, для юного поколения переселенцев такой вопрос не стоял: молодежь, что называется, сходу «вгрызалась» в новую среду обитания, не испытывая при этом никакой ностальгии, быстро «брала» язык и легко, с

удовольствием, ассимилировалась в кругах местных сверстников.

Среднее, еще вполне трудоспособное поколение эмигрантов проходило этот путь несколько тяжелее, испытывая сложности в освоении языка, не так просто воспринимая незнакомые общественные устои и из всех сил заставляя себя не задумываться о правильности выбранного решения.

Что же касается людей пожилых, получивших на новой родине (такой термин употребляется довольно часто) достойные условия проживания, но испытывающие вполне объяснимые ностальгические терзания, — в их среде вопрос «Так нужно было ехать?» с повестки дня не убирается. При этом произносится он с разными интонациями: иногда уже прямо в нем звучит положительный ответ, иногда – сомнение, а иногда – явное отрицание. В последнем случае для усиления эффекта добавляется еще сакральное: «И что там было плохо?!». Так что, тема эта для дискуссий в кругах бывших советских пенсионеров всегда актуальна...

Для меня – и до отъезда в США, и во время пребывания там – ответ был всегда сугубо отрицательным, даже тогда, когда, вроде бы, все трудности остались позади. Причина одна – как оказалось, жизнь вне Одессы для меня просто немыслима...

С другой стороны, испытываю ли я сожаление по поводу семи (целых семи!) лет, проведенных в Лос-Анджелесе? Нет, и еще раз нет! В чисто ознакомительном плане, я получил достаточно полное представление об этой стране, побывав, помимо Лос-Анджелеса, в Нью-Йорке, Филадельфии, Сан-Диего, Чикаго, Лас-Вегасе... Я имею возможность, как говорится, с грехом пополам изъясняться на совершенно неведомом мне до этого английском языке. А чего стоит бесценный опыт, полученный мною в качестве редактора газеты, которую я возглавлял в течение четырех лет, газеты читаемой и достаточно популярной? Кроме того, я набрался значительного опыта как журналист, сотрудничая с несколькими редакциями русскоязычных газет. Мне посчастливилось познакомиться и сдружиться, в отдельных случаях, с интересными людьми, с которыми я поддерживаю добрые отношения и сегодня.

Сейчас я по-настоящему счастлив, потому что с Людмилой, вдохновителем всех моих начинаний, мы живем дома – в полном смысле этого слова, т.е. не только в родном городе, но и в своей, любимой нами, квартире. Расставаясь с ней осенью 1997 года, я с неизменной горечью думал, что потерял ее навсегда.

У меня растет четверо внуков (по два – в Одессе и в Нью-Йорке), которые мне бесконечно дороги и вселяют в меня столь необходимый в моем возрасте оптимизм. Я достаточно много пишу, периодически выходят мои книги... И, конечно, Всемирный клуб одесситов – место встречи с достойными, талантливыми, одухотворенными людьми.

Сегодня я наслаждаюсь жизнью, но чтобы прийти в это состояние, пришлось преодолеть достаточно много препятствий. И как же точно сказала по этому поводу французская писательница маркиза Мария Севинье, жившая в XVIII веке: «Нет таких наслаждений и радостей, которые не теряли бы этого названия, когда они достаются легко и во множестве!» Что к этому можно добавить?

Пока – все. Жизнь продолжается!..

— Я намерен в своей работе в качестве советского посла осуществлять один принцип: делать лишь то, что отвечает государственным интересам Советского Союза. Так вот, если говорить о наших государственных интересах и американских государственных интересах, то окажется, что в ближневосточном регионе у американцев задействовано таких интересов больше. Для них это прежде всего нефть. Для нас этого вопроса не существует. Для них Израиль традиционно не только политическая, но и нравственная проблема, в рамках которой вопрос о безопасности Израиля — это государственный интерес США. Таких обязательств перед Израилем у нас нет пока, к сожалению. И третий фактор — хорошие отношения с арабами. Так вот у нас первого интереса совсем нет, третий интерес совпадает с американским, а второй наличествует лишь в зародыше. Причем, кто бы что ни говорил, СССР остается сверхдержавой. Мы таковой и ранее считались не из-за того, что у нас была прекрасная экономика, а потому что у нас было энное количество ракет. И сегодня они никуда не делись, они стоят там, где стояли. Если сейчас они разбросаны по четырем независимым республикам, то все равно пусковая кнопка находится в Москве. К тому же есть фактор, который, возможно, позволит нам переиграть американцев в Израиле. Ведь наших евреев в Израиле гораздо больше, чем американских. До сих пор это был для нас потерянный капитал, мы отторгали этих людей и сами в этом виноваты. И если мы опять сделаем этих людей нашими...

— В каком смысле?

— В том, что евреи теперь уже уезжают в Израиль не как изгой, отторгнутые советским государством, а как люди, имеющие право жить там, где им хочется. Они будут навещать СССР, они станут экономическими посредниками между Советским Союзом и Израилем, а для нас — через Израиль — со всем западным миром. Кстати, в качестве одного из первых шагов в Израиле я попытаюсь создать в Иерусалиме культурный центр под названием "Россия" — этаким клуб с газетами, книгами, кино... Надо будет обратиться к русским евреям в Израиле: посольство, мол, выделяет на этот центр, скажем, миллион долларов, а еще миллион соберете вы. Причем имя каждого жертвователя будет там выбито на мраморной стеле...

...Беда в том, что у нас нет хороших "евреистов". Евреев много, а специалистов по Израилу, по еврейской культуре нет. Но — буду искать. Конечно, МИД кого-то предложит, но я хочу найти кого-то сам, пусть без дипломатического опыта, но зато знатоков Израиля, людей со свежим взглядом на ситуацию. Вообще практически все надо начинать с самого начала. Надо

будет расширять консульскую службу, открыть консульские отделы в Хайфе, в Иерусалиме...

— А что насчет того, чтобы перенести советское посольство в Иерусалим? При каких условиях это возможно?

— В обозримом будущем — ни при каких. Насчет этого существует в мировом общественном мнении консенсус...

— То есть, первым Советский Союз этот консенсус не нарушит?

— Даже и вторым.

Такой вот получился разговор. Наивный несколько, если судить с нынешних позиций. Но достаточно полно показывающий мой настрой в те уже безумно далекие дни.

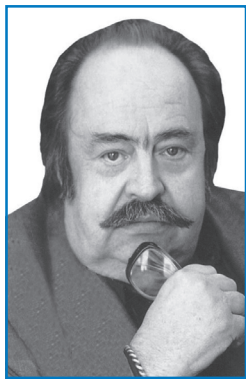
В Москве тем временем нарастала неразбериха. Советский Союз уже треснул по всем швам. Из Иерусалима торопили с приездом, поскольку советскому послу надо было успеть вручить верительные грамоты, пока юридически Союз существовал. Помню, звонил кому-то из помощников Горбачева и просил воздействовать на шефа, чтобы он не слагал с себя президентских функций, пока я не вручу верительные грамоты. Шутка, но горькая...

Из Москвы вылетел 19 декабря. Тогда наши самолеты еще не летали в Израиль, а МИД уже экономил валюту. Поэтому "Аэрофлот" доставил меня в Каир. Встречал наш Генеральный консул в Израиле А. Ф. Чистяков. После краткого, но содержательного завтрака у советского посла в Египте В. П. Полякова двинулись на машинах через Синай в Тель-Авив. Потом мне долго приходилось объяснять журналистам, почему я появился в Израиле "с черного хода". Никак не могли они поверить, что у советского МИДа нет денег на билет до Тель-Авива. Все пытались докопаться до какого-то "подтекста"...

Жизнь в Тель-Авиве началась в субботу 21 декабря, и началась она с отеля "Хилтон", куда меня поселили до подыскания резиденции. Встретил меня большой рыжий таракан левантской, видимо, породы. Окна выходили на пустынный пляж и на зимнее, беспокойное Средиземное море. Вечером поехал в Иерусалим. В театре Семена Злотникова (встречался с ним еще в Москве) давали его же пьесу "Зеркало для

Александр Бовин Пять лет среди евреев и мидовцев

Начало в №68

олим первого года обучения". Так, с места в карьер, началось мое знакомство с жизнью "русской алии", "русского" Израиля.

"Олим" на иврите — множественное число от "оле", что значит "восходящий" (к Храму). Так торжественно именуют репатриантов. То есть они "восходят", поднимаются в Израиль. Но "русские" евреи включают ивритские слова в грамматические формы русского языка. Отсюда — "олим" (репатриант) и "олимка" (репатриантка). И множественное "русское" число — "олимы" (репатрианты). Такова ныне разговорная речь. Но в 1991 году "русские" еще не управились с ивритом. Поэтому Злотников написал "для олим". Сейчас он написал бы "для олимов". Словом "алия" обозначается переселение евреев в Палестину (Израиль). В более узком плане так называют группу евреев, прибывших из какой-либо страны или в какой-то определенный период времени. Говорят, например, "русская алия" (приехавшие из России) или "первая алия" (переселенцы конца XIX века).

Воскресенье здесь — день рабочий (и зовется, разумеется, не "воскресенье", а просто "йом ришон", то есть "день первый", ибо с него-то и начинается еврейская неделя). С утра отправился в МИД. Таковой, — как и все израильское начальство, — находится в Иерусалиме. А поскольку мировое сообщество не признает Иерусалим столицей Израиля, то все посольства (кроме Коста-Рики и Сальвадора) расположены в Тель-Авиве. Очень неудобно. Почти каждый день (а иногда и по два раза) приходилось мотаться туда и обратно, а это — 130 км и два часа без толку потраченного времени.

В этот же день — первое посещение своего рабочего места. Рабочее место — это Генеральное консульство СССР, ныне преобразованное в посольство.

Группа советских консульских работников (3 человека) прибыла в Тель-Авив в июле 1987 года. Формальная задача — урегулирование юридического статуса советской собственности, плюс — оформление документов гражданам СССР. Но фактически таким путем было обозначено дипломатическое присутствие

СССР в Израиле. Соответственно в июле 1988 года в Москве появилась консульская делегация Израиля.

Я хорошо знаю Арье Левина, генерального консула, а затем посла Израиля в России. Умный, интеллигентный человек. Профессионал высшей пробы. Прекрасно ориентировался в российских лабиринтах. Критически оценивал влияния израильской политики по отношению к Москве. "Когда большая алия достигла пика, — говорил он в июле 1996 года, — Россия перестала интересоваться нас. Это ошибочный подход. Нельзя пренебрегать контактами с Россией, ссылаясь на нашу "проамериканскую" ориентацию. Нельзя забывать о том, что Россия — мощная держава. Сегодня она повержена, разъята, но, поверьте мне, через десять лет она вполне может наверстать упущенное".

Надеюсь встретиться и поговорить с Арье в 2006 году...

Советское генконсульство занимало несколько небольших комнат на 15-м этаже здания, носившего название "Мерказ текстиль" ("Центр текстиля"). У входа в наши апартаменты стоял, вернее, сидел солдат с автоматом, именуемый "мальчик Мотя". Охранял нас, стало быть. В кабинете все было как положено: портрет Горбачева, сейф и телефон с гербом Советского Союза на диске. Собрались — поговорили. Сотрудники с любопытством смотрели на меня, я — на них. Началась притирка, которая, как правило, никогда не кончается.

На следующий день после вручения верительных грамот состоялся первый урок иврита. Научить меня ивриту взялась очаровательная девушка из Грузии Нана Наш. Если сразу заглянуть в конец, то не научила. Может быть, потому, что процесс обучения интересовал меня больше, чем результат. Мои достижения — сотни полторы расхожих слов и выражений плюс умение прочитать вывески на улице. Помогало создавать атмосферу...

С языками у меня такая штука. Люблю их учить, но никак не могу выучить. Пятьдесят с лишним лет учил, к примеру, английский, даже один месяц — в Лондоне, но так и не научился свободно говорить. Еще хуже обстоит дело с французским, немецким и т. д. В порядке лингвистического баловства по десятку слов могу сказать на китайском или японском. Сказалось скорее всего то, что я никогда подолгу не жил за границей. И то, что никогда не было трудностей с переводчиками. Наверное, следовало бы проявить настойчивость, заставить себя, но всегда находилось что-то более интересное, чем уроки языка. Так что работал с переводчиками. Конечно, это сковывало, осложняло контакты, лишало их легкости, непосредственности. Я чувствовал это и будучи журналистом. Став послом — тем более.

Продолжение следует

Оборонять до последней возможности...

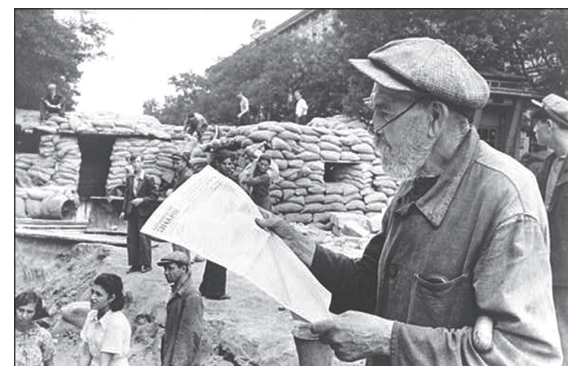

В сводке Совинформбюро Одесса впервые с начала войны появилась в вечернем сообщении 19 августа 1941 года: "В течение 19 августа наши войска вели бои

с противником на всем фронте, особенно упорные на Кингисеппском, Новгородском, Гомельском и Одесском направлениях".

Двумя неделями раньше, 5 августа, когда линия фронта проходила от Каролино-Бугаза вдоль восточного берега Днестровского лимана, далее вдоль реки Днестр южнее Тирасполя, а затем восточнее Днестра и через Павловку и Большую Врэдиевку, Ставка Верховного Командования отдала директиву главнокомандующему Юго-Западным направлением маршалу С.М.Буденному: «Одессу не сдавать и оборонять до последней возможности, привлекая к делу Черноморский флот».

Семьдесят один год назад этот день стал началом героической обороны Одессы, которая продолжалась до 73 дней. И не нужно нам дожидаться очередной "круглой" даты,

чтобы вспомнить его и всех тех, кто самоотверженно защищал наш город жарким летом теперь уже такого далекого 1941 года.

Она останется в нашей памяти

Прошло немного времени с тех пор, как ушла из жизни Тамара Гринблат, всеми нами почитаемая, мудрая и талантливая, справедливая и прямая в отношениях с теми, кого слушала, учила, воспитывала и любила.

Мне посчастливилось познакомиться с ней в Обществе еврейской культуры после очередного концерта еврейской песни на идише, в котором я участвовал. Она часто бывала на репетиции, помогала советами, интересовалась наличием репертуара и предлагала свои услуги в написании нот песен на идиш. Это был 1995 год, когда вокальная группа «Ди идиши лид» («Еврейская песня») искала песни на идиш. У меня уже были кассеты с записями таких певцов, как Сидор Беларский, Бенцион Витлер, Михаил Алектандрович, Зиновий Шульман, Сиди Таль, Соломон Хромченко и другие.

И тут помощь Тамары оказалась бесценной. Пришлось мне множество песен с кассет и пластинок переписать на ее бабинный магнитофон, с которого ей удобно было по слуху подготавливать нотный материал песен с тем же аккомпанементом, порой не всегда дублирующим основную мелодию. Это был скрупулезный труд.

Таким образом она подготовила ноты более чем 30 песен и попури, которые значительно расширили наш репертуар. Любовь к музыке Тамара Гринблат унаследовала от мамы, которая знала несколько языков, с отцом посещала оперу. До того как родители купили пианино, она, рано научившись читать, в четыре года уже углублялась в учебник музыки и через час знала все ноты. «Пришел папа с работы, мама рассказала о моих успехах и велела нарисовать в натуральную величину две октавы клавиатуры и наклеить на ровную досочку, — вспоминала Тамара в своей «Родословной». — Это был мой первый инструмент. Он лежал у меня на стуле. Близко к краю. На спину стула опирались ноты. Я садилась перед стулом на стульчик, никто мне руки не ставил. От природы ровные пальцы естественно прикасались к воображаемому клавишам. Стала разучивать музыкальные номера».

Первым ее учителем музыки была выдающийся педагог Софья Соломоновна Вайнер, которая консультировала студентов музучилища и консерватории. Сразу же она оценила возможности Тамары и привязалась к ней. Тогда, в 1935 году, лучшей, по мнению Тамары, была

музыкальная школа № 1. Несмотря на то, что уже открывались другие школы, эта, в которой она училась, собрала самых талантливых учеников. Поэтому ведущие педагоги, музыканты консерватории, и в первую очередь Петр Соломонович Столярский, постоянно ее курировали.

Потом Тамара Гринблат окончила ленинградскую консерваторию по классу фортепиано, работала в музучилищах Ленинградской области, в частности, в Царском селе.

Но болели родители, и она вернулась в Одессу, потом преподавала в музыкальных школах в Кодыме, Балте, Черкассах, Чернигове, Луганске. И везде она воспитывала будущих грамотных пианистов и преподавателей, переписывалась с учениками, вникала в их нужды, нередко помогала материально.

Тамара Израилевна была эрудированным человеком, хорошо знала историческое прошлое Украины и России. Особенно восхищала нас ее музыкальная эрудиция. Она была прекрасным собеседником. Могла охотно просвещать, рассказывая о разных направлениях в музыке. Она говорила, что музыка не всегда может нести сладостные сочетания звуков, а может быть обрушена против человека, конкретно против определенной нации, приведя при этом пример немецкого композитора Вагнера с его музыкально-речитативным звучанием антисемитской оперы «Парсифаль», в чем я действительно убедился, прочитав значительно позже статью, написанную пятнадцать лет назад знаменитым дирижером Юрием Аграновичем и опубликованную недавно в газете «Дайджест-Е» (2011, ноябрь, № 11 (148) «Вагнер, евреи, Израиль»). И как бы ответом и предостережением антисемитизму Т. Гринблат написала «Реквием»-Богдановка в память о Холокосте на стихи нашей землячки Тамары Белорусец (Мары Лорус) — которая была редактором газеты «Одесский листок в Сан-Франциско. В поселке Богдановка от рук фашистов погибли тысячи евреев, в том числе ее родители.

«Реквием» Т. Гринблат посвятила памяти зверски убитой в гетто своей первой учительницы по классу фортепиано С.С. Вайнер. «Реквием» исполнил ансамбль в составе Т.Зборовской, И.Шафир, Л.Бондарчук, Л. Очеретенко, заслуженной артистки России Л. Высочиненко. Сольную партию выпало исполнять мне, Людмила

Ульяш — скрипка, труба и ударник были музыкантами Одесского оперного театра.

Перед исполнением «Реквиема» взволнованная Тамара Гринблат произносит следующий текст: «Музыка тоже должна сказать свое слово. Это сейчас тем более важно, что в пусть в меньших масштабах, но Холокост продолжается в разных уголках планеты и более всего на родине еврейского народа. Запах еврейской крови привлекает все больше и больше шакалов. Мы должны бороться, мы должны требовать мира и права на счастье для нашего многострадального народа. К этому призывают нас узники варшавского гетто, к этому призывает нас боль каждого еврея».

«Реквием» исполняли дважды — в Обществе еврейской культуры и в Доме медработников. Исполнение «Реквиема» было снято на видео и кассеты переданы Якову Маниовичу — Председателю правления Всеизраильского землячества «Одесса» для музея «Яд-Вашем» и для показа бывшим узникам гетто, проживающим в Израиле. Этот видеofilm отправили также в США и в Канаду. «Реквием» был исполнен в двух вариантах: на русском языке и иврите. На иврит его текст перевел преподаватель иврита Н. Бондарчук.

Тамара Гринблат была прекрасной пианисткой и большим знатоком музыки. К ней приезжали пианисты из Ильичевска, города Южный, Львова. И всем она доходчиво и полно раскрывала характер проигрываемых произведений. Она занималась композицией и обработкой украинских и еврейских народных песен.

Я благодарен ей за обработку моей «Песенки сапожника», с которой потом успешно выступил на Всеукраинском фестивале «Черниговская осень» и получил Гран-при.

Она поддерживала связь со многими солистами Культурного центра Хеседа», писала для них песни на слова В.Бондарчука, Г. Шмульян, В.Каца и др. Ее песни исполняют Л. Бондарчук, Т. Зборовская и автор этой статьи. Она издала два вокальных авторских сборника, которые станут украшением нашего репертуара, сборник своих сказок для детей и книгу воспоминаний о пережитом в эвакуации в годы войны.

О Тамаре Гринблат печатали статьи одесские еврейские газеты. Они и сама писала прекрасные статьи, за что была отмечена дипломом газеты «Ор Самеах».

Тамара Гринблат, ее светлый образ и добрые дела останутся в нашей памяти.

Иосиф Жеребкер

Одесские новости

Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова вошел в пятерку лучших классических университетов в рейтинге Министерства образования и науки, молодежи и спорта Украины

С 13 по 21 июля 2012 года прошел Третий Одесский международный кинофестиваль, торжественно открытый в Оперном театре, где по красной дорожке прошли мэтры киноиндустрии, представители культуры и искусства, известные политики, дипломаты и бизнесмены.

В новом сезоне Одесский театр музыкальной комедии покажет зрителям мюзикл «Граф Воронцов», главные действующие лица которого — Михаил Семенович Воронцов, его супруга Елизавета Ксавьеровна и Александр Сергеевич Пушкин.

В Центральной городской библиотеке им. И. Франко (Книжный пер., 1а) состоялось торжественное мероприятие «Честь паче почеси», посвященное памяти бывшего городского головы Григория Григорьевича Маразли.

К Одесскому порту ошвартовался итальянский лайнер Costa Mediterranea, длиной 292,5 метра. На нем 1056 кают и разнообразные объекты для отдыха. Внутренний дизайн судов этой компании выдержан в стиле итальянских замков.

В Одесской порт зашел океанский лайнер американской круизной компании. Его длина — 220 м, он имеет 8 палуб и принимает на борт 700 пассажиров при численности экипажа в 445 человек.

Международный аэропорт «Одесса» закупил багажные тележки, которыми могут бесплатно пользоваться все прибывающие и отбывающие пассажиры.

На Приморском бульваре состоялся Фестиваль культур «Global Village». Представители молодежи более 20 стран мира представили публике особенности своей культуры. Страны-участницы Фестиваля: Алжир, Великобритания, Азербайджан, Турция, Китай, Тунис, Сербия, Индонезия, Нидерланды, Хорватия, Египет, Австрия, Португалия, Япония, Новая Зеландия, Италия, Индия и др.

Вышел в свет литературно-художественный журнал «Южное сияние» №2 за 2012 г., который выпускается при поддержке Одесского городского совета. В журнале в числе других материалов напечатаны стихи Александра Блока, Николая Гумилева, Владимира Высоцкого и Семена Кирсанова в переводах на язык эсперанто Семена Вайнблата.

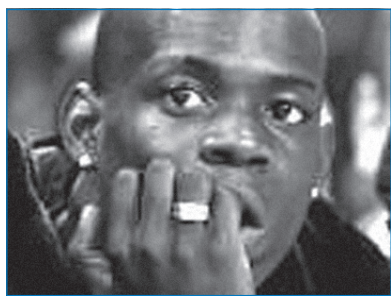
Лучшим вином 2012 года на Международном конкурсе «Ялта. Золотой грифон 2012» признан «Рислинг полусухой Колонист» урожая 2011 года, производства ТМ «Колонист» (г. Болград Одесской области).

Я долго ждал этого момента

Чернокожий итальянский футболист, который вывел свою команду в финал чемпионата ЕВРО-2012, — Марио Балотелли воспитывался в еврейской семье, которая усыновила его в трехлетнем возрасте. Своей приемной матери Сильвии он и посвятил забитые им голы «Самым лучшим моментом игры был тот, когда в конце ее я подбежал к маме и сказал, что эти голы я посвящаю ей. Я долго ждал этого».

Мама моя уже немолода и не может совершать длительные путешествия. Поэтому, если она проделала этот путь, мне очень хотелось ее порадовать. Мой папа приедет в Киев на финал.

Марио родился 21 год назад у иммигрантки из Ганы и был одним из четырех детей в бедной семье. Здоровье маленького Марио было не самым лучшим, и для его лечения нужны были деньги, которых у семьи не было. Именно тогда с ним познакомилась семья Балотелли и приняла его как своего сына в то время, когда родная семья от него отвернулась.

С годами он уже предпочитал приемную семью родной и поменял фамилию. Когда Марио стал успешным футболистом, его настоящие родители пытались восстановить с ним связь, но он отверг их, потому что заподозрил в корыстных мотивах. Как рассказывает электронный портал «The times of Israel», накануне игр чемпионата Марио, с другими членами сборной команды Италии побывал в Освенциме, что произвело на него очень сильное впечатление.

После этого он рассказал коллегам то, о чем никогда не рассказывал: о своей приемной матери.

Неонацисты уже нацелились на Балотелли и за то, что он чернокожий, и за то, что «еврей». «Он должен играть не за Италию, а за Израиль», — писал расистский сайт Stormfront незадолго до чемпионата. Но, как говорят на Востоке, собака лает, а караван идет.

Руфь Зернова На море и обратно

Начало в № 57

Но папа с неудовольствием подмечал у мамы Полины Львовны словечки, интонации и даже “искусственный” смех по телефону.

Но не только Полина Львовна — все наши знакомые (тогда еще не имело хождения слово “друзья”), все они были вторым или даже третьим ассимилированным поколением, и на идиш никто из них не говорил. Выросла Полина Львовна и ее сестра на той самой Канатной, где вырос Валентин Катаев; некоторое время — до отъезда в Москву — он был женат на их родственнице. Этой женитьбе Ильф с Петровым были обязаны сюжетом о сокровище мадам Петуховой. Сокровище в самом деле существовало, только было спрятано не в стуле, а в выемке над дверью. Потом оно исчезло, как и полагалось сокровищу.

А муж Полины Львовны — они были ровесниками и поженились двадцати лет от роду — учился в Коммерческом училище с Бабелем. Полина Львовна рассказывала в тридцатые годы:

— Когда он последний раз приезжал, я ему говорила: — Изя, вы все-таки невероятный лентяй. За столько лет — ни одной книжки. Вы какой-то молчун!

А он мне:

— Поленька, помните, в детстве мы играли в фанты? И там было условие: черного и белого не называйте, “да” и “нет” не говорите?!

— Ну?

— Ну вот. Сейчас как раз такое условие. Вот я и молчу.

Сестра Полины Львовны была совсем другая — медлительная, миловидная, с низким негромким голосом, с медленной отчетливой речью. Я ее не боялась — она не насмешничала. Из всех гостей-мужчин я выделяла Ефима Владимировича, хотя и удивлялась, почему Берта Лазаревна вышла за него замуж.

Но о Берте Лазаревне — особо. Ее терпеть не может наша няня: потому что у нее дурной глаз. После ее приходов Ляля плохо спит и капризничает. Правда, это с ней бывает и без Берты Лазаревны — ее мучает диатез, но это совершенно другое дело. И в эту ночь тоже все будет как всегда, Ляля будет плакать, а няня бормотать: опять ребенка мне сглазила! У-у-у, Котовского убила, гадюка!

Был такой слух. Будто Котовского убили, когда он шел на свидание к Берте Лазаревне. К счастью, слух этот, видимо, не получил широкого распространения, — а то мало ли какие могли быть последствия. Я лично имя Котовского только тогда и услышала; в том, что он шел повидаться с Бертой Лазаревной, ничего плохого не усматривала, а что убили его — ну, что ж поделаешь. Видимо, привыкла к этому слову, не звучало оно громом... Я даже видела, как на тачке вывезли из ворот ближнего дома убитого налетчика. А няня просто так говорит, потому что сердится. “Убила!” Все знают, что никого она не убивала — только волновалась, когда это случилось. Помню, она прибежала, задыхаясь, — по-моему, это тогда и было.

Я тогда не знала, что она — самая красивая из наших гостей, самой красивой я считала маму, понятное дело, но мне нравилось смотреть на Берту Лазаревну. Все наши дамы были стриженные, завитые и крашенные: Полина Львовна — в рыжий цвет, ее сестра — в какой-то красно-коричневый, и моя мама тоже потихоньку рыжела. А у Берты Лазаревны волосы были черные-черные, и она “носила прическу”. “Носит прическу” — означало — до сих пор не постриглась. Берта Лазаревна закалывала все свои никогда не стриженные волосы на затылке шпильками. В Одессе то, что в результате получалось, называлось “кублик”, но для “кублика” прическа Берты Лазаревны была слишком большая. И глаза у нее были не как у всех — коричневые, — а ярко-серые. Если бы голубые — может, я бы и сочла это красотой, я уже читала книжки.

Но серые? Кроме того, она была насмешница: однажды спросила меня, играет ли со мной папа, а я ей ответила: мужчина — что петух, кири-куку... Это была цитата из пушкинской “Русалки”, которую я в тот день читала, и такой ответ показался мне вполне уместным. Господи, как она хохотала! Кинулась в столовую, где сидели взрослые, и хохотала, и повторяла: мужчина что петух!

И все-таки я любила на нее смотреть, хотя боялась опять ее насмешить.

Ее муж, Ефим Владимирович, казалось мне, не подходил ей. Ей подошел бы, на мой взгляд, муж Софьи Львовны — высокий, не толстый, с черными усиками, в инженерской фуражке... А Ефим Владимирович был хоть и высокий, но толще всех, и уже седой, и вообще старый. Правда, он надо мной не смеялся — он даже со мной немножко разговаривал. Все дамы успели перед войной окончить гимназию. Мужчины тоже — кроме моего папы, который, как считалось у нас дома, кончил экстерном. Ефим Владимирович учился в Лейпциге, кажется, на юридическом. Но юристом не стал, служил в той же Вукопспилке. Он рассказал мне через несколько лет, что какой-то начальник из Харькова (тогда это была столица Украины) сказал про моего отца: — Александр Борисович — бриллиант в короне Вукопспилки.

Трудно было вообразить корону на челе Вукопспилки. И все-таки я почувствовала себя польщенной. За папу.

Ефим Владимирович. Когда я впервые встретила в какой-то книжке слово “тюфяк” (кого-то там так обзывают), я тут же представила себе Ефима Владимировича. По моему ощущению, определение к нему подходило. Он один из всех наших знакомых был такой огромный, такой широкий, такой толстый — и такой добрый.

Он был по призванию ученый, так мне сейчас кажется; он читал не газеты, как все мужчины, а книги. У него была большая библиотека на нескольких языках — он и дал мне из этой своей библиотеки “Историю Франции”, которой я заинтересовалась, начитавшись Дюма. Язык этой книги был суховат — это вам не Дюма! — но я смотрела незнакомые слова в словаре. И в конце концов даже что-то запомнила, хотя так и не дошла до последних Валуа.

Но он был такой ученый, который хочет заниматься только тем, что его интересует. В то время его интересовало происхождение еврейских фамилий. О нашей фамилии — Зевин, — которая мне казалась какой-то редкой, он сказал, что это фамилия именная:

от Зев. И значит — сын Зева (Я не поверила и посмотрела в Брокгаузовской энциклопедии. И оказалось, что существует в Турции такая река — Зевин-чай. Собственно, чай — это по-турецки река. Значит, река Зевин. Это показалось мне куда интереснее, чем какой-то Зев).

Его жена — Берта Лазаревна, то есть, устроила у себя на дому детский сад. В сущности, она стала почти что фребеличкой — но не совсем: она не гуляла с детьми. Вообще, я не очень знаю, что она с ними делала. Одно знаю: она с ними пела песни. Она была музыкальна, хотя на пианино не играла, — что странно для Одессы: там девочек “из хорошей семьи” обязательно учили музыке. Видно, маме слишком трудно было усадить ее “за инструмент” (ударение на “у”, именно так ударяли в Одессе).

Мальчиков учили тоже, но они довольно рано начинали бойкотировать уроки музыки и уступали матерям только самые способные. Один рыжий мальчик даже из дому убежал, завязав в носовой платок самое необходимое, как со смехом вспоминали впоследствии в семье тех, куда он убежал.

— Открываю дверь. Вижу его с этим платком и говорю: — Миля, опять?

— Роза Михайловна! — и он прямо плачет. — Роза Михайловна, я больше не могу. Что она от меня хочет?

— Кто — она? Берта Михайловна?

— Берта Михайловна! Что — Берта Михайловна? Ну, ясно, она тоже... Говорит мне: “Миля, тут надо это ярче, ярче сделать, понимаешь?” А что значит — ярче? Я спрашиваю: “Еще быстрее?” А она... она смеется. Говорит: “Я это всем рассказывать буду”. А что тут рассказывать? Нет, она — что! Но мама... “Ты опять не упражнялся сегодня?” Нет, не могу я жить там. Можно, я у вас проживу?

— До вечера — можно.

Его сажали за стол, угощали, он успокаивался, его расспрашивали, что он теперь играет... Потом приходила мама — иногда в негодовании, иногда — смягчившаяся по дороге и уводила домой.

Мне это рассказывали в лицах, когда рыжий мальчик -его звали Эмиль Гилельс, как вы давно уже догадались, -занял первое место на первом Всесоюзном конкурсе. Семья, дававшая ему недолгий, но частый приют, была семьей моей подруги, Нины Сигал. У нее с Милей была общая учительница музыки — Берта Михайловна Рейнвальд.

Продолжение следует

Ворсистую нитку можно легко продеть в отверстие иголки, если конец ее смочить лаком для ногтей или натереть воском.

Натертая воском нитка становится прочнее, и пуговицы, пришитые ею, дольше не отрываются.

Если в заварочном чайнике осталась и заплесневела старая заварка, избавиться от неприятного запаха можно следующим образом. Вымойте чайник, протрите его насухо, положите в него два куска сахара и оставьте на сутки. После этого неприятный запах исчезнет.

Зелень будет дольше сохраняться свежей, если ее промыть, высушить на полотенце, уложить в стеклянную банку с плотно закрывающейся крышкой и поставить в холодильник.

Для того чтобы удалить зеленоватый осадок, который со временем откладывается на дне и стенках вазы для цветов, нужно положить на дно наполненной водой вазы монету советских времен достоинством в пять копеек.

Сделай сам
Полезные советы
от заслуженного рационализатора
Украины
волонтера Григория Махлиса

Если в кастрюле что-то пригорело, нужно налить в нее крепкий раствор соли, выдержать несколько часов, вскипятить, после чего очистить.

Для того чтобы очистить от нагара чугунную сковородку, нужно положить ее сверху дном на огонь газовой горелки, хорошо прогреть, а потом она легко очистится с помощью ножа.

Сваренный рис будет белым, если в воду, в которой он варится, добавить несколько капель лимонного сока или немного лимонной кислоты.

Чтобы засолить овощи в банке, нужен такой гнет, который пройдет через горло банки. В качестве гнета можно использовать два, вложенных друг в друга полиэтиленовых пакета, которые нужно поместить в банку, наполнить водой и завязать.

Если подошва утюга заржавела, ржавчину можно удалить следующим способом. Нужно стереть пятна ржавчины мелкой наждачной бумагой, после этого смазать подошву утюга воском и натереть мелкой солью. После этого нужно протереть подошву утюга тряпкой, смоченной в воде.

Различные изделия из меди можно быстро, легко и хорошо очистить сырым картофелем.

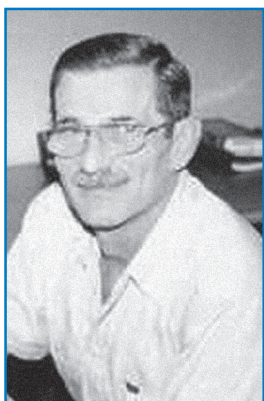
Запах краски не распространится по всей квартире, если поставить там, где вы используете краску, тарелку с нарезанным репчатым луком.

Мухи не будут садиться на зеркало, если протереть его сырым луком. Для этого разрежьте луковицу, смажьте ею зеркало, а потом вытрите его мягкой тряпкой.

В жаркую погоду лучше занимать место в конце троллейбуса или трамвайного вагона, так как эти места лучше вентилируются за счет открытых верхних стекол окон.

Страна Поэзия

Эрлен БЕЙЛИС

Родился во Владивостоке в 1940 г. С 1947 года живет в Одессе. Окончил Ленинградское Военно-морское училище им. Дзержинского. Офицер-подводник, служил на атомных подводных лодках на Тихом океане, уволен в запас. Работает в Одесской круизной компании. Писать начал в 70 лет. Член Одесского клуба Ротари. Автор поэтического сборника "Случайные строфы". Член Литературной студии "Откровение" (Одесса).

Нет, молния в меня не била.
Откуда ж этот стихопад?
Наверно, снова полюбил я,
И снова, видно, не попад.

Я много выпил, и ко мне
Пришло внезапно озаренье.
Конечно, истина в вине,
Но в коньяке — мое прозрение.

То берега прорвали речки!
То засухи посева сушат!-
Ну, если нет на рынке гречки,
То вешают лапшу на уши.

Плохой не может водка быть,
Тут даже спорить неприлично.
Ее нам следует ценить
На "хорошо" или "отлично".

Башка болит, в душе тревога,
И встать с кровати нету сил,
Не потому, что выпил много —
Ты просто мало закусил.

Эти загадочные женщины

В глазах испуг, и жар в щеках.
Весь мир летит в пучину!
Петля спустилась у чулка —
И в этом вся причина.

Жизнь завершилась навсегда,
Какое-то проклятье!
Как можно дальше жить, когда
Она — в таком же платье?

Чтоб не случился вдруг удар,
Нельзя подумать даже,
Что можно выйти на базар,
Забыв о макияже.

Чтоб сильный пол завоевать
Воинственной расцветкой,
Брюнетка рыжей хочет стать,
Блондинка — стать брюнеткой.

Нам говорили, что должна
Быть в женщине загадка,
И здесь разгадка не нужна,
Тем женщина и сладка.

Умом нам женщин не понять,
Аршином не измерить,
Их нужно просто обожать,
Любить, ценить и верить.

Она глупа? Она умна?
Безгруда иль грудаста?
Забудь. Она тебе нужна!
Тут, брат, любовь. И баста!

Лунное затмение

Смотрю в бинокль — луну накрыла
Красно-коричневая тень.
Ужель Кощей сгубил Ярилу?
Неужто не вернется день?

Но... тонкий серп! И постепенно
Залита солнцем вся сполна
Сияет в небе вдохновенно
Во всей своей красе луна.

Друзья, исчезнут все невзгоды,
Несчастья все сойдут на нет.
Ведь так устроена природа,
Что после тьмы приходит свет.

Детский уголок

Борис Заходер

Барбосы

В одном селе
Один Барбос
Залаял на Луну.
Не так уж сильно этот пес
Нарушил тишину.
Да в это время, как на грех,
Не спал его сосед.
— Эй ты, потише, пустобрех, —
Залаял он в ответ.

И так как он рассержен был
И не был безголос,
То тут со сна заголосил
Еще один Барбос.
Вот тут и началось!..

Пошло гулять
по всем дворам:
— Не гавкать!
— Тихо!
— Что за гам!
— Да прекратите лай!
— Эй, будет вам!
— Ай-ай-ай-ай!
— Гав-гав!
— Ррр-гам! -
Такой поднялся тарарам -
Хоть уши затыкай!

И каждый, главное, всерьез
Других унять желает.
Не понимает он, Барбос,
Что сам он — тоже лает!

Абрикос и другие

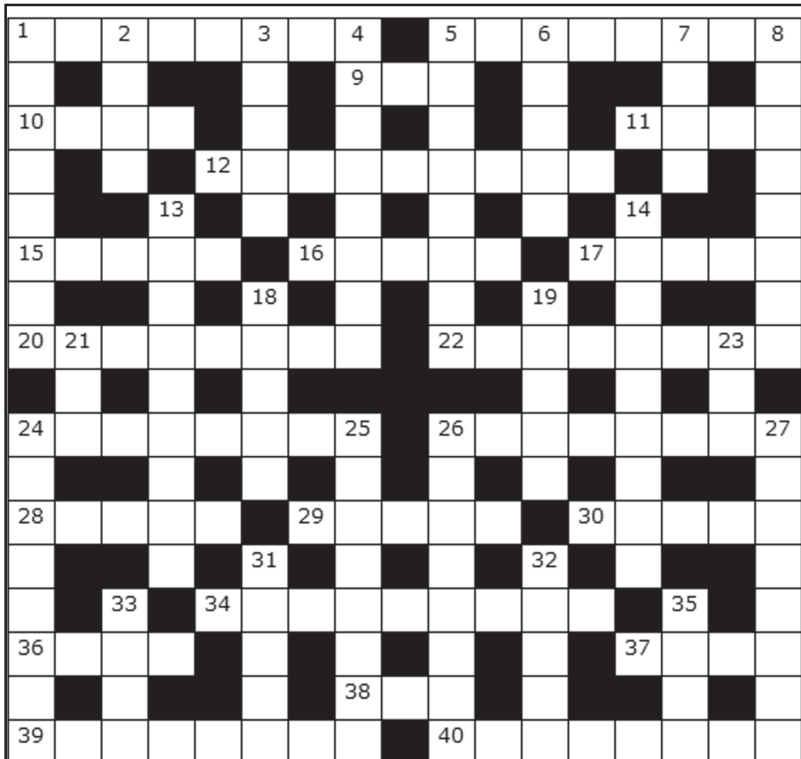
Сказала мама:
— Апельсин!
— Нет, абрикос! —
Воскликнул сын.
— Арбуз! —
Раздался папин бас.
А дочь вздохнула:
— Ананас...
Арбуз.
Ананас.
Апельсин.

Абрикос.
А что же вкусней?
Очень трудный вопрос.
На трудный вопрос
Есть легкий ответ:
— На вкус и цвет
Товарищей нет!

Два и три

Пошел Сережа в первый класс.
С Сережкой не шути!
Считать
Умеет он у нас
Почти
До десяти!
Не грех такому мудрецу
Задрать курносый нос!

Вот как-то за столом отцу
И задал он вопрос:
— Два пирожка тут, папа, да?
А хочешь — на пари! —
Я доказать могу всегда,
Что их не два, а три!
Считаем вместе:
Вот ОДИН,
А вот и ДВА, смотри!
ОДИН да ДВА, —
закончил сын, —
Как раз и будет ТРИ!
— Вот молодец! —
сказал отец. —
И в самом деле три!
И потому
Я два возьму,
А третий ты бери!

По горизонтали: 1. Лентай. 5. Ловкость. 9. Строительный камень для фундаментов. 10. Страдание, терзание. 11. Польза с точностью до наоборот. 12. Город в Московской области. 15. Соединение химического элемента с кислородом. 16. Запасной 17. Торчащий клочок волос на голове. 20. Мужское парфюмерное средство. 22. Изобретение Жака Ива Кусто. 24. Первообраз, оригинал. 26. Неразборчивые, неумело или небрежно написанные буквы. 28. Река в подземном царстве мертвых в древнегреческой мифологии. 29. Скверный, ничтожный человек. 30. Студенческий 34. ... отношений. 36. Древние священные книги индусов, содержащие религиозные гимны, заклинания, обрядовые предписания, описания "деяний" богов. 37. Предмет женского нижнего белья. 38. Сказочный обед. 39. Народный лекарь. 40. Крайнее воздержание, отказ от жизненных благ.

По вертикали: 1. Итальянский судебный психиатр и криминалист, родоначальник антропологического направления в уголовном праве. 2. Серый африканский попугай. 3. Большая катапульта. 4. Коренной житель страны, местности. 5. Хищное насекомое с длинным тонким телом и двумя парами больших прозрачных крыльев. 6. Шмон (жаргон). 7. ... в бога. 8. Специальность врача. 13. Молодежное танцевально-развлекательное заведение. 14. Систематизированное собрание однородных предметов. 18. Исполнитель роли пастора Шлага из телесериала "Семнадцать мгновений весны". 19. Болезнь, немощь. 21. Киевский князь, соправитель Аскольда. 23. Самая длинная река в мире. 24. Невысокий шкаф с полками для посуды. 25. Низкая и узкая полоса наносной суши из песка и гальки, отделяющая лагуну или лиман от моря. 26. Столица Австралии. 27. Слово, вышедшее из повседневного употребления. 31. Филосовская категория. 32. Круглая котлета из рубленого мяса. 33. Должностное лицо в Древнем Риме. 35. Город в Грузии, в котором родился Иосиф Сталин.

Ответы на кроссворд в газете "Доброе дело" № 68

По горизонтали: 1. Дифракция. 5. Глиссандо. 11. Автокар. 12. Лилипут. 13. Евдокия. 14. Орша. 15. Неон. 16. Нальчик. 17. Изнанка. 20. Алябьев. 23. Руина. 25. Голконда. 26. Робинзон. 30. Рация. 31. Помещик. 34. Картечь. 36. Аденома. 37. Аист. 38. Кура. 40. Сопрано. 42. Авиашоу. 43. Трейлер. 44. Амаравати. 45. Монпарнас.

По вертикали: 1. Диатоника. 2. Фатюшин. 3. Анка. 4. Царевна. 6. Иглынка. 7. Село. 8. Ниппель. 9. Остановка. 10. Стольник. 18. Апплика. 19. Колодки. 21. Лисичка. 22. Брезент. 23. Радар. 24. "Афоня". 27. Эспланада. 28. Сценарий. 29. Альбатрос. 32. Мистика. 33. Капсула. 34. Каротин. 35. Еруслан. 39. Юшка. 41. Кета.

Ответы на кроссворд в газете "Доброе дело" № 69

По горизонтали: 2. Фагот. 5. Ленто. 9. Кепи. 10. Жлоб. 11. Маринад. 12. Путана. 13. Ригель. 14. Идо. 15. Баловник. 19. Роговица. 25. Ротор. 26. Дамка. 27. Идеал. 28. Сиу. 29. Хан. 30. Твист. 31. Шпала. 32. "Ослик". 33. Антиквар. 38. Тобогган. 42. Жор. 43. Агреже. 44. Бронте. 45. Манёвры. 46. Штык. 47. Кент. 48. Арама. 49. Альфа.

По вертикали: 1. Медуза. 2. Фигаро. 3. Гамаюн. 4. Терлик. 5. Линкор. 6. Недруг. 7. Ожегов. 8. Подлец. 15. "Беретта". 16. Лютнист. 17. Верстак. 18. Иудушка. 20. Опахало. 21. Ориноко. 22. Идеолог. 23. Арлекин. 24. Умиак. 34. Нагота. 35. Ищейка. 36. Выемка. 37. Ржанка. 38. Травма. 39. Бобыль. 40. Глотка. 41. Астана.

Все, кто имеет возможность помочь малоимущим людям, направляйте, пожалуйста, свои взносы по адресу:
Украина, 65023,
г. Одесса,
Приморский район,
ул. Нежинская, 77/79.
БФ «Хесед Шаарей Цион»
код ОКПО 34321888
р/с 26003321218601 АБ «Пивденный»
г. Одесса МФО 328209

В Культурном центре
Хеседа
по средам
с 10.00 до 11.30
работает кружок
«Вышивка бисером»
Руководитель —
Инна Корсунская.
Приглашаются желающие
овладеть интересной методикой.
Справки по тел. 737-40-13

Улыбка

— Доченька, тебе только 16 лет, а ты уже выходишь замуж. Куда ты торопишься?

— Мама, мне необходимо идти в ногу со временем, а это значит, что я должна успеть еще развестись.

— Соседушка, одолжи мне свой тромбон.

— Хочешь научиться играть?

— Нет, я хочу выспаться.

— Додик, тебе нравятся дуры?

— Нет.

— А курящие?

— Нет.

— Пьющие?

— Нет.

— Зачем же ты тогда заигрываешь с моей женой?

— Ну и нахал этот Додик!!! Будь у меня пистолет...

— И что бы ты сделал?

— Влепил бы ему пощечину.

— Ты где работаешь?

— Нигде.

— Замечательная работа!

— Не спорю, но есть два недостатка.

— Какие?

— Во-первых, ничего не платят, а во-вторых — слишком много завистников.

— К тебе заходил мужчина.

— Ну и что?

— Я спросил, как его зовут и что тебе передать?

— Ну и что?

— Он ничего не ответил, повернулся и ушел.

— Наверно, это мой брат. Он полный идиот.

— Да, я очень хорошо его рассмотрел. Он очень похож на тебя.

— Товарищ проводник, разбудите меня, пожалуйста, в Жмеринке.

— Так вам же выходить намного дальше.

— Никуда выходить я не буду. Просто очень хочется посмотреть, как Додик проспит свою станцию.

— Знаешь, когда я вижу красивую девушку, то жалею, что я не старше лет на двадцать.

— Почему ты сказал «старше»? Ты хотел сказать младше.

— Нет, я сказал правильно. Будь я сейчас на двадцать лет старше, мне ее красота была бы до лампочки.

— У моей жены пропал голос. Не подскажешь ли, что делать?

— Есть верное средство!

— Какое?

— Приди домой в три часа ночи.

— Вчера получил телеграмму от Додика. Целых двадцать слов.

— И что он пишет?

— Он спрашивает, знаю ли я адрес Рабиновича.

— И что ты ему ответил?

— Я ему ответил намного короче.

— А именно?

— «Знаю. Ну и что?»

— Сосед, ваша собака съела мою курицу.

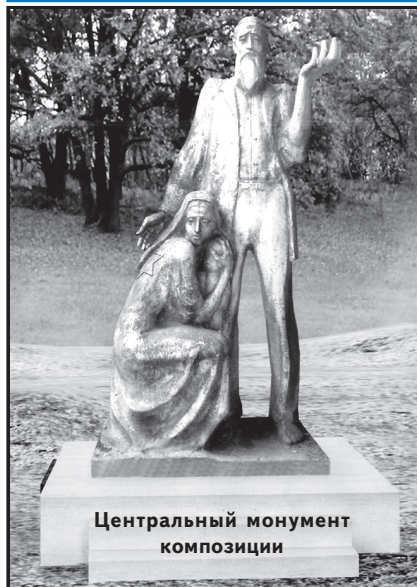
— Спасибо, что сказали. Сегодня я ее кормить больше не буду.

— Слушай, давай поговорим, а то умираю от скуки. Я уже несколько часов один.

— А где жена?

— Ушла на минутку к соседке.

Центральный монумент композиции

Адрес для перечисления средств на сооружение мемориальной композиции в г. Балта

Украина, 65023, г. Одесса,
Приморский район,
ул. Нежинская 77/79.
БФ «Хесед Шаарей Цион»
код ОКПО 34321888
Р/С 26003321218601
АБ «Пивденный», г. Одесса, МФО 328209

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА «НАТИВ - ТЕХНИОН»

БЕЗОПАСНОСТЬ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

УНИКАЛЬНАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ ОБУЧЕНИЯ В ТЕХНИОНЕ - ЛУЧШЕМ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМ ВУЗЕ ИЗРАИЛЯ ДЛЯ МОЛОДЕЖИ ОТ 18 ДО 30 ЛЕТ

Академическая программа для молодых людей с еврейскими корнями, обладающих аттестатом зрелости, знакомых с интернетом и операционной системой Windows, владеющих техническим английским на базовом уровне

Возраст участников: 18-30.

Место проведения: Хайфа.

Продолжительность проекта: около 4-х месяцев.

Язык преподавания: русский, английский

В рамках программы подготовка и сдача экзаменов на 3 международных сертификата:

1. Microsoft Windows Server 2008
2. Check Point Security Administration R70/R71 (CCSA)
3. Cisco Certified Network Associate (CCNA)

(048)7230205 odessa@il4u.org.il www.il4u.org.il

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛАРОВ – КЛИЕНТОВ БФ «ХЕСЕД ШААРЕЙ ЦИОН»

С 90-летием

Копылова Наума
Негинскую Ольгу
Портную Веру
Приворотер Клару

Южелевскую Бэллу

С 80-летием

Бабского Моисея
Березовскую Лилию
Георгиеву Валентину
Громова Ефима
Добронравова Юрия
Елисееву Тамару
Зубок Нину
Липковича Илью

Минца Льва
Орла Гарри
Раппо Владимира
Ротберга Юрия
Рудника Олега
Синявскую Эльгу
Учитель Марию
Филонова Игоря
Фридант Софию
Цейтлин Эсфирь
Ямпольского Вилена

С 85-летием

Котову Лилию
Лылову Галину
Пиковскую Елену
Убогих Николая

ПОЗДРАВЛЯЕМ ИМЕЧНИЧКОВ – ВОЛОЧТЕРОВ БФ «ХЕСЕД ШААРЕЙ ЦИОН»

Агнянникова Сергея
Вайнштейн Анетту
Вайншток Мару
Горелову Ирину
Ерецкого Бориса
Казимирскую Елену

Каца Юрия
Клейман Зою
Крейдерман Анну
Куприянову Эмилию
Лейдикера Леонида
Лейченко Ларису

Мирошниченко Людмилу
Практ Ольгу
Сапожникову Викторину
Турецкую Беллу
Шамрай Людмилу

Учредитель и издатель —
БФ «ХЕСЕД ШААРЕЙ ЦИОН» (г. Одесса)

Газета издается при поддержке
Claims Conference и American
Jewish Joint Distribution Committee

Свидетельство о государственной регистрации 1153-34-Р, серия ОД, выдано 7 июня 2006 г.
Отпечатано в Одесской типографии ООО «ВМВ», ул. Добровольского, 82-а
Тираж — 2300 экз. Зак. №

Некоммерческое издание. Распространяется бесплатно.
Реклама и объявления публикуются бесплатно.
Индекс издания — 09720

Главный редактор
Семен ВАЙНБЛАТ
Редакционная коллегия:
А. Кесельман,
А. Креймер, Ф. Мильштейн
Компьютерная верстка
А. Быков

Присланные материалы
не рецензируются и не возвращаются.
Переписка с читателями —
только на страницах газеты.
Редакция оставляет за собой право
редактировать
и сокращать присланные материалы.
Ответственность за точность
фактов несут авторы

Адрес редакции:
65023, Одесса, ул. Нежинская, 77/79
Почтовый адрес:
65045, Одесса, а/я 110
Тел.: 737-40-12
www.dobroedelo-11.narod2.ru